

18+

Владимир
Сенчихин

БЕСЕДЫ С
УСОПШИМИ,
или
ГРИМАСЫ СЛАВЫ

Владимир Сенчихин

**Беседы с усопшими,
или Гримасы славы**

«Издательские решения»

Сенчихин В.

Беседы с усопшими, или Гримасы славы / В. Сенчихин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-550976-5

Кого вспоминал Александр Македонский на смертном ложе? Почему Цезарь не заплатил за то, что после перехода через Рубикон в Риме не досчитались половины граждан? Как получилось, что Ганнибал, спасая Карфаген на дальних подступах, поспособствовал его краху? Почему мать Чингисхана обозвала его «чёрной бешеной сукой»? За что англичане больше всего ненавидели Наполеона? Герой этой книги путешествует по эпохам и пытается понять, в чем величие «великих» полководцев, погубивших миллионы людей.

ISBN 978-5-00-550976-5

© Сенчихин В.
© Издательские решения

Содержание

Nota bene	6
Пролог	7
Глава первая. Пенфесиля—воительница	9
Глава вторая. Александр	17
Глава третья. Герострат	27
Глава четвертая. Цезарь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Беседы с усопшими, или Гримасы славы

Владимир Сенчихин

Людмила Караваева *Редактор*

© Владимир Сенчихин, 2021

ISBN 978-5-0055-0976-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Nota bene

Для удобства чтения книги в электронном виде пояснения к тексту и ссылки даны курсивом – сразу после слов, требующих разъяснения.

Пролог

Интересуюсь, как к нему обращаться.

– Зови меня Падшим ангелом, – отвечает он, ухмыльнувшись. – Сокращенно Паданг.

– На Суматре есть город с таким названием. Уж лучше паванг – шаман в Индонезии: разгоняет тучи, спасает от хищников, оберегает охотников и путешественников, ищет без вести пропавших.

– Эко куда тебя занесло. Какой из меня паванг? Если меня попросят разогнать тучи, я устрою такую бурю, что людишки окоченеют от ужаса.

– Землетрясение близ Паданга твоих рук дело?

– Я такими мелочами не занимаюсь.

– Может, Вендиго?

Когда племя индейцев, проживающих близ Великих озер на севере нынешней Америки, одолевали трескучие морозы, а голод лютовал, в ход шло людоедство: недостаток пищи восполнялся покойниками или самыми слабыми сородичами. Дабы отвести соплеменников от такого непотребства, был сочинён миф о Вендиго. Якобы некий смельчак, спасая племя от голодной гибели, продал душу, после чего его тело подверглось невыносимому жару. Сбросив с себя одежду, он бросился в лес, где превратился в четырехметрового монстра, питающегося исключительно человечиною, и чем усерднее он предавался этому занятию, тем сильнее страдал от мук голода.

Собеседник крикает и демонстративно превращается в шерстистое жердеобразное существо: лысая башка испещрена шрамами, из безгубого окровавленного рта угрожающе выпирают здоровенные клыки, вместо ушей – черные воронки, а руки смахивают на когтистые лапы медведя. В воздухе распространяется такой смрад, что я непроизвольно зажимаю нос рукой.

– Таким ты меня представляешь? – ехидно интересуется новоявленный Вендиго.

– Если исходить из твоей сущности, ты мало чем от него отличаешься, – желчно возражаю я.

– Я не людоед, а людифоб.

Мне неизвестно, как ему удалось всплыть из черных глубин мироздания и кто отправил его по мою душу. После долгих размышлений я окрестил его Переговорщиком, парламентаром, чей статус не предполагает активного вмешательства в мои действия. Увы, я ошибся. Прискорбно и то, что этот окаянный спутник, способный мгновенно перевоплощаться в кого угодно, вжился в роль попечителя и наставника. Пытаясь отвести меня от исторических странствий, безапелляционно заявил, что я занимаюсь закулисной селекцией. Якобы внедряю в головы мыслящих особей и тем самым воздействую на них, пытаюсь изменить ход истории.

Абсурдность обвинения очевидна. Меня позиция потустороннего наблюдателя вполне устраивает: я исповедую принцип невмешательства, предпочитаю встречаться с незаурядными людьми, неважно, когда они жили и чем занимались, отдаю предпочтение тем, кто менял устоявшийся общественно-политический уклад либо вполне мог это сделать. Осмысливаю их действия и поступки. Вы спросите, зачем мне это нужно? Своеобразная гимнастика ума: приятно, когда выловленные, зафиксированные и предсказанные тенденции лет через сто, двести или пятьсот становятся реальностью.

Мне, собственно, незачем спускаться в бездонный колодезь истории, чтобы сделать неутешительный вывод, что человечество избрало порочный путь: изуверства, войны, преступления. Взять хотя бы отношение к природе. Куда подевались пятитонные морские коровы, их еще называли капустницами из-за пристрастия к морской капусте? Доверчивые и нескладные, они так нравились охотникам, что теперь от них остались одни воспоминания. Сохранились

только их дальние сородичи – дюгоны, жалкие копии в полтонны весом. Та же участь постигла и тарпанов, низкорослых лошадок, чье мясо считалось редкостным деликатесом. Не умеющих летать несуразных птичек додо, обитающих на острове Маврикий, истребили пришлые матросы – свежее мясо куда лучше солонины. От бескрылых гагарок остались только чучела, а их пух, которым набивали подушки, давно истлел.

Пребывая в раздражении, однажды я предложил Переговорщику мысленно представить скорбную процессию представителей животного царства, погубленных человеком за последние сто-двести лет. Во главе шествуют островные тигры – яванский и балийский, уменьшенные дубликаты бенгальских. Они не подозревали, что камуфляжный окрас от пуль не спасает. За ними крадется тайваньский дымчатый леопард – здоровенный кот, облаченный в потрепанную шкуру, за что в итоге и поплатился. А приоденься он попроще, глядишь, и уцелел бы. В хвост ему пристроились волки – японский, погубленный стрихнином, и тасманский сумчатый, якобы устроивший террор местным овцам. Волков сопровождают зебра квагга и голубая антилопа. Следом гуськом мелкота – попугаи, гуси, утки и прочие птицы, они недовольно оглядываются на пучеглазую оранжевую жабу, напоминающую миниатюрное изваяние из сусального золота. В арьергарде – парочка гигантских черепах, обитавших на острове Реюньон в Индийском океане. Матросы считали их живыми консервами, не требующими призора.

За процессией, наклонив рогатую голову, скорбно наблюдает американский бизон. Он долго обижался на местных индейцев, но убедился, что их стрелы – укусы комара по сравнению с гибельными пулями перебравшихся в Северную Америку европейцев. Рассматривая черно-белые снимки с горами останков бизонов, невольно вспоминаю аналогичные пирамиды из человеческих черепов, о которых расскажу позже.

Переговорщик по поводу исчезновения живых организмов не скорбит. Хищники ему давно не по нраву, будь его воля, кошачьим вроде тигров, львов и ягуаров вряд ли бы поздоровилось. Он обуреваем идеей управляемого хаоса, долженствующего привести фауну к некоей гармонии, ее суть – подвинуть животный мир к травоядию.

По его мнению, человек – фатальная ошибка природы, требующая поправок: в будущем он должен состоять процентов на восемьдесят из сменяемых искусственных биологических органов, при условии, что естественному размножению будет положен конец. Это вовсе не означает глобальную стерилизацию. На этот счет есть конкретные выкладки. Полагаю, старине Хаксли он много чего нашептал (*«О дивный новый мир»*).

Пытаясь понять, что собой представляет человеческий мозг, всякий раз задаюсь вопросом, зачем природе понадобилось создавать такой излишне сложный орган, склонный к самоуничтожению. Честно признаюсь – вторжение в него не проходит для меня бесследно. Головные боли – наименьшая расплата. Куда хуже, когда мертвецы начинают преследовать меня в сновидениях. Их слишком много. Иногда я увлекаюсь тем или иным популярным среди обывателей персонажем в ущерб более значащим личностям. Мое повествование наверняка одних озадачит, других порадует, а третьих обозлит. В любом случае наберитесь терпения.

Любопытствующие, видимо, зададутся вопросом, почему я по большей части цитирую древних историков и редко обращаю внимание на более поздних. Логичность такого подхода очевидна: то или иное событие, кто бы его ни описал, всегда субъективно, однако куда лучше ознакомиться с

суждениями и наблюдениями непосредственных свидетелей или людей, контактировавших с ними, чем с умозаключениями тех, кто спустя тысячелетия пытается навязать собственную точку зрения.

Глава первая. Пенфесилея—воительница

Переговорщик считает человека лишним звеном в развитии природы, пресекающим естественные пищевые цепочки. По его мнению, это очевидно и не требует никаких доказательств. Он процитировал советского актёра театра и кино : «Природа порой покрывается ядовитыми пятнами отвращения к нам». Ни одному хищнику не придет в голову затевать войну с сородичами, если речь не идет о воспроизводстве или еде, а между тем человек только тем и занимается, что изыскивает врагов, руководствуясь тщеславием и корыстными целями. Война еще в глубокой древности превратилась в культ, а поклонение ей – в своеобразную форму мазохизма. **Бориса Андреева**

, грек и отец диалектики, утверждал, что человек хоть и «самое мирное по природе существо», но «воистину зверь», поскольку поднимает меч против ближайших родственников, «друзей, сограждан, отшельников, невинных животных и инородцев». «Львы не истребляют львов; волки не отравляют волков; кони не плетут заговоров против коней; слоны не грабят акрополи, чтобы их разрушить. Даже обитая среди нас, они приручаются. Люди же дичают в обществе людей». По мнению философа, «война – отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим – людьми; одних сделала рабами, других – свободными. Павших на войне чтут и боги, и люди». **Гераклит Эфесский**

Древнегреческий философ полагает, что негоже идти брату на брата: «Гражданская война есть бедствие для той и другой враждующей стороны. Ибо для победителей и побежденных она одинаково гибельна». А вот стране можно и повоевать: «Только при единомыслии могут быть совершаемы великие дела, например, удачные войны государства, в противном случае это невозможно». **Демокрит Абдерский**

Размышляет о войне и , вкладывая собственные мысли в уста персонажей. «А кто виновник войн, мятежей и битв, как не тело и его страсти? Ведь все войны происходят ради стяжания богатств, а заниматься этим заставляет тело, которому мы по—рабски служим». «То, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами», ибо «все блага побежденных достаются победителю». Иногда Платон, опомнившись, сам себе противоречит: «А ведь самое лучшее – это не война, не междоусобия: не дай бог, если в них возникнет нужда; мир же – это всеобщее дружелюбие». Похвально. **Платон**

откровенно проповедует идеи, которые спустя два тысячелетия возьмет за образец гитлеровская Германия. В книге «Политика» он утверждает: «Растения существуют ради живых существ, а животные – ради человека; домашние животные служат человеку – как для потребностей домашнего обихода, так и для пищи, а из диких животных если не все, то большая часть – для пищи и для других надобностей, чтобы получать от них одежду и другие необходимые предметы. Поэтому и военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают покоряться; такая война по природе своей справедлива». **Аристотель**

Сие глаголет один из лучших учеников Платона. При этом знаменитый философ древней Греции с апломбом рассуждает о похвальных качествах человека: «Быть достойным человеком – значит обладать добродетелями. И тому, кто думает действовать в общественной и политической жизни, надо быть человеком добродетельного нрава. Счастливая жизнь и счастье состоят в том, чтобы жить хорошо, а хорошо жить – значит жить добродетельно. В этом цель, счастье и высшее благо».

Некоторые читатели могут возразить, дескать, негоже относиться к древнегреческим нравам и воззрениям на войну с колокольни куда более поздних времен, однако я с этим не согласен. Почитайте книгу «О старости. О дружбе. Об обязанностях». Вот что он пишет: «Что касается государственных дел, то строже всего надо соблюдать право войны. Существует два способа разрешать споры, один – путем обсуждения, другой – силой, причем первый свойствен человеку, второй – диким зверям, ко второму надо обращаться тогда, когда воспользоваться первым невозможно». **Марка Туллия Цицерона**

Цицерон говорил о том, что войны бывают разные и гуманизм ни в коем случае нельзя отвергать. «Справедливой может быть только такая война, которую ведут после предъявления требований или же предварительно возвестили и объявили. Но когда не на жизнь, а на смерть сражаются из-за владычества и, ведя войну, ищут славы, все-таки совершенно необходимо наличие тех оснований, какие я только что назвал законными для объявления войны. Однако войны, в которых дело идет о славе нашей державы, надо вести, воздерживаясь от жестокости».

В древности, как и сегодня, в ходу был порочный принцип: если я не убью соседа, то он уничтожит меня. Древнегреческий историк в своем объемном труде «История», посвященном Пелопоннесской войне, продолжавшейся двадцать семь лет, цитирует Перикла (). Обращаясь к жителям Афин, тот заявил: «Ваше владычество подобно тирании, добиваться которой несправедливо, отказаться от нее – весьма опасно. Миротлюбивая политика, не связанная с решительными действиями, пагубна: она не приносит пользы великой державе, но годится лишь подвластному городу, чтобы жить в безопасном рабстве». **Фукидид афинский оратор и полководец**

Согласитесь, довольно любопытная точка зрения относительно соседей: подчинять их силой оружия несправедливо, однако и жить с ними в мире – себя не уважать.

После того, как на смену лукам и стрелам пришли пушки и ядра, о войне стали рассуждать прагматически, с точки зрения её эффективности, отбросив за ненадобностью моральные принципы.

Почитайте книгу прусского генерала «О войне». Это теоретическое и практическое пособие для кичливых захватчиков. По мнению генерала, «война – акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает». Генерал утверждает, что в наступательной войне не должно быть перерывов, но «если завоеванные области достаточно обширны, то нанесенная рана, как раковая опухоль, сама разъедает дальше организм побежденного; при таких условиях, даже не двигаясь дальше, завоеватель будет с течением времени больше выигрывать, чем проигрывать». Скорее всего, именно этим и руководствовался Гитлер, не собираясь наступать дальше Урала. **Карла Клаузевица**

Клаузевиц, наставляя будущих завоевателей, утверждает, что «война не начинается, – или, во всяком случае, не следует, действуя разумно, начинать ее, – пока не будет установлено», к чему она приведет и какие цели следует ставить непосредственно во время боевых действий.

Немецкий генерал – теоретик, но не философ. Ему далеко до его соотечественника, сочинившего книгу «Так говорил Заратустра» (). Это произведение всё ещё популярно, однако рассуждения Ницше о войне вплетены во все его книги. «Мы должны скрепя сердце выставить жестоко звучащую истину, что рабство принадлежит к сущности культуры: разумеется, это – истина, не оставляющая никакого сомнения относительно абсолютной ценности существования личности. Как произошел раб, слепой крот культуры? Греки проговорились об этом в своем правовом инстинкте, который в здравой полноте их цивилизованности и гуманности не переставал возвещать из медных уст следующие слова: «Победителю принадлежит побежденный с женой, детьми, всем имуществом. Сила дает первое право, и нет права, которое

в своей основе не являлось бы присвоением, узурпацией, насилием». **Фридриха Ницше** *главный ее персонаж – персидский пророк*

Рассуждая о «страхе войны», Ницше утверждает, что «война для государства – такая же необходимость, как раб для общества». Она «победителя оглушает, а побежденного – озлобляет», а для культуры война – «состояние сна или зимней спячки, человек выходит из нее более сильным и для хороших дел, и для плохих». Ницше поучает: «Любите мир как средство к новым войнам. И притом короткий мир – больше, чем долгий. Вы говорите, что правое дело освящает даже войну? Я говорю вам: добрая война освящает всякую цель. Война и мужество совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему. Не ваша жалость, а ваша храбрость спасала доселе несчастных. Итак, живите жизнью повиновения и войны! Что толку в долгой жизни».

Ницше объявляет европейскую мораль «азиатским изобретением» и утверждает, что «эксплуатация не является принадлежностью испорченного или несовершенного и примитивного общества: она входит в сущность всего живого как основная органическая функция, она есть следствие подлинной воли к власти, которая именно и есть воля жизни». Он убежден, что «сама жизнь по существу своему есть присваивание, нанесение вреда, подавление чуждого и более слабого, угнетение, суровость, насильственное навязывание собственных форм, аннексия и, по меньшей мере, эксплуатация».

Апологет войны, отвергающий ценность каждой человеческой жизни, в конце концов угодил в психиатрическую клинику, сердобольная мать забрала его, а спустя десять лет он превратился в парализованную куклу, лишенную подвижности и осмысления окружающей действительности. Ницше похоронили под стенами старинной церкви в деревне Реккен, где он родился, рядом с его матерью и сестрой. Обустроили современную могилу, окружив ее тремя скульптурами. Меня больше всего поражают два голых каменных Ницше с торчащей бородкой, стыдливо прикрывающих шляпами обнаженные чресла. Оба упираются ногами в миниатюрные постаменты и взирают на своего третьего соседа: в отличие от них, он облачен в пальто и держит шляпу в опущенной левой руке. В общем, жалкое зрелище.

Русский этнограф, антрополог, биолог и путешественник, живший в одно время с Ницше, не был философом, рассуждал о войне образно: «Если смотреть на жизнь людей, абстрагируясь, она вся состоит из непрерывной гонки добра и зла. Предположим, бегут они по садовой дорожке, стараясь опередить друг друга. И вот на их пути большая цветочная клумба, во всю ширину дорожки. Добро, зная, что цветы – прекрасное и потому ломать их кощунственно, замедлит бег и найдет способ клумбу обойти. Зло, безнравственное по сути, прекрасное не остановит, оно помчится напрямик через клумбу, круша цветы, и добро окажется позади, отстанет. Но только на какое-то время. Первенство зла в беге наперегонки иллюзорно, точнее скоротечно. Будь иначе, жизнь рано или поздно прекратилась бы. Однако она продолжается, всё совершенствуясь, уже многие-многие тысячелетия, и пределы её вряд ли можно предугадать, поскольку побеждает всегда изначально целесообразное, то есть, как свидетельствует вся история человечества, не разрушение, а созидание, любовь, олицетворяемая в прекрасном и лежащая в основе всего живого. Надолго утвердиться вместо добра зло не может потому, что у него нет естественного начала, нет той целесообразности, какой наполнены все законы движения во Вселенной». **Николай Миклухо-Маклай**

Сказать по правде, мне больше по душе рассуждения русского с чудной фамилией, нежели умствования немца.

Мнения древних и новых философов о войне всплывают в моей голове, цепляясь друг за друга, подобно шестеренкам в механических часах. Вот я вижу, как три десятка всадников, подняв пыль копытами лошадей, люто убивают друг друга. Трудно разобрать, какого они роду и племени и на чьей стороне успех. Наблюдая за ними, различаю две группы. Первая – воины,

вооруженные круглыми щитами и длинными копьями. Их головы защищены железными шлемами с гребнями из конских волос, с прорезями для глаз, носа и рта, а тела – металлическими панцирями, поблескивающими на солнце. Вторая – ратники, облаченные в темно–коричневые кожаные доспехи и шлемы. В правой руке секира с двойным лезвием, а в левой – короткий меч. Они на удивление сноровисто отбивают ими вражеские копья. Бросается в глаза некоторое преимущество «кожаных» – под ними увертливые кони, поджарые, умеющие быстро перемещаться боком и мгновенно отскакивать. Удивляет дрессировка коней: не управляемые поводьями, отброшенными на луки сёдел, они расторопно повинуются голосовым приказам хозяев.

Лошади «железных» воинов тяжеловесны, часто встают на дыбы. Это позволяет всадникам избегать ударов секир и мечей, но зато теряется время для маневра, а в ближнем бою дорога каждая секунда. Мое внимание привлёк всадник в кожаном шлеме, усеянном крохотными зелеными камешками, похожими на смарагды. Приподнявшись на стремянах, он вертит секирой над головой с такой скоростью, что на ум приходят вращающиеся лопасти вертолета. Ошеломленные его яростью, граничащей с безумием, «железные» воители шарахаются в стороны и подставляются под удары двуострых топоров. Вываливаются из сёдел, взмахивая руками, будто приветствуя свою гибель, и попадают под копыта взмысленных лошадей – своих и чужих. Не выдержав дикого натиска, уцелевшие «железные» воины дружно отступают. Их бегство губительно. «Кожаные», устремившись в погоню, на скаку прячут в ножны мечи, приторачивают к сёдлам топоры, достают луки, доселе бесполезно болтавшиеся за их спинами, и начинают разить беглецов стрелами. Только двоим благодаря прыти коней удается избежать смерти.

«Кожаные», вернувшись на побоище, спешиваются и снимают шлемы. То ли хотят выразить уважение к павшим соплеменникам, то ли охлаждают разгоряченные в пылу боя головы. По их плечам рассыпаются длинные волосы. Ба, да ведь это женщины! Они в скорбном молчании подбирают тела павших соотечественниц, забрасывают их на лошадей поперёк сёдел, запрыгивают на своих послушных скакунов и рысцой устремляются в предгорья. Я следую за ними.

Она мне нравится, я от души ей сочувствую. В ее подчинении – более трёх тысяч особей женского пола, начиная с беспомощных грудничков и заканчивая беззубыми старухами. Для вас она мираж, а для меня – живая и непосредственная. Её имя непереводимо. Древние греки, сочинявшие о ней небылицы, называли ее Пенфесилеей. Я попросту именую Пенфи, против чего она не возражает. Недоуменно пожала плечами, узнав, что получила еще одно имя – Фалестра.

Я не понимаю некоторых ваятелей. Они не удосужились выяснить, что собой представляла Пенфи. К примеру, на фасаде Лувра красуется скульптура француза. У воительницы отсутствует левая грудь, облачена она в мужскую древнегреческую тогу с характерным для того времени шлемом на голове. Это как если бы я вылепил банкира в волчьей шкуре и с кинжалом в руке, хотя с моральной точки зрения символизм очевиден. **Виталия Дюбре**

Дюбре, вероятно, начитался. Тот, повествуя о савроматах, подчеркивает, что женщины этого кочевого племени правой груди не имеют, в младенчестве матери накладывали на нее специальный медный инструмент в накаливаемом состоянии и прижигают, чтобы вся сила перешла к правому плечу и руке. Весьма странное и опрометчивое утверждение для человека, которого во всем мире почитают как батюшку медицины и выдающегося хирурга. Ему ли, признанному костоправу, не знать: сила правой руки после такого варварского умерщвления плоти только ослабнет. **Гиппократ**

С Пенфи я встречаюсь возле ее жилища, далеко не царского: глинобитное строение без окон с узким отверстием в крыше. Наверх, а затем и внутрь можно попасть с помощью приставной деревянной лестницы. Этот процесс при должной ловкости занимает меньше пяти секунд.

С моей точки зрения, такое убежище – общая могила тех, кто в нем укроется, если нападут враги, хотя и неплохой способ избежать контактов с опостылевшими гостями, утаив лестницу.

Хочу внести ясность. Под «встречей» я подразумеваю следующее: собеседник, будто наяву, видит меня пред собой, хотя на самом деле я по сути обитаю вне «тела». Проще говоря, предстаю в виде почти материальной голограммы. Одежду подбираю тщательно, дабы она не порождала у визави ни тени сомнений относительно моей причастности к его эпохе. С коммуникацией никаких затруднений: говорю на любом языке, а при необходимости изъясняюсь жестами (). В зависимости от ситуации усаживаюсь на дикий камень или стул, на ворсистый ковер или скамейку. Стоять мне трудно и неудобно, поскольку одна нога короче другой. Согласитесь, трудно рассчитывать на внимание и уважение к собственной персоне в скособоченном виде. *о прочих практиках умолчу*

Вы скептически улыбнетесь, мол, каким образом мои физические недостатки связаны с виртуальной реальностью? Простой пример. Человеку отрезали ногу, а она болит, будто живая. Неужели вы полагаете, что рецептор, ответственный за целостность организма, ошибается? Ничего подобного. Фантомная боль – предупреждение, своего рода напоминание о роковом событии. Зарубка на долгую память. Вот и у меня так – вроде бы призрак, а все равно кособочусь, когда стою.

Пенфи сидит на дивной тигриной шкуре, наброшенной на грубо обтесанную известняковую глыбу, в окружении личной стражи – девушек лет двадцати, вооруженных копьями и луками. В связи с отсутствием каких-либо приемлемых сидений располагаюсь прямо на песке по-турецки, опустив руки на колени. Пенфи смотрит на меня с любопытством малолетней тигрицы, впервые узревшей добычу. Принюхивается, раздувая ноздри. В отличие от людей, живущих в эпоху смартфонов и реагирующих преимущественно на духи или острые запахи, она способна уловить тысячи оттенков. Ей невдомёк, что призрак ничем не пахнет. Пенфи напряженно размышляет, каким образом в ее владения проник незванный гость, однако, к ее чести, не собирается сносить головы тем, кто меня проворонил, мысленно намечает новые сторожевые посты.

Стражницы – воплощение свирепости и враждебности – не в силах скрыть плавающее в глазах любопытство. Пренебрегая служебными обязанностями, воткнули в песок длинные копья, да еще и облокотились на них. Впрочем, лучницы бдительность не утратили. Как только я поднял руку, две стрелы, пронзив меня насквозь и не причинив никакого вреда, с легким шелестом врезаются в песок. У охотниц округляются глаза, в бешенстве они выпускают еще несколько стрел. Результат прежний. Пенфи сердито одергивает их, они стыдливо опускают луки. Пытаюсь её убедить, что границы охраняются как должно, а мое появление – случайность. Она с подозрением слушает, наклонив голову. Густые волосы соломенного цвета заплетены в косички, каждая из них заканчивается узелком.

Воительница жестокосердна и коварна. Она не царица, в языке её племени это понятие отсутствует, да и никакими почестями не обременена, за исключением того, что никто не смеет бесцеремонно взглянуть ей в глаза. За такую дерзость могут запросто изгнать из племени, однако ненадолго, считается, что для вразумления достаточно недели. На Пенфи туника до колен, на груди короткая зашнурованная накидка из толстой кожи. Настроение у воительницы внезапно меняется. Она задумывается, каким способом вышибить мне мозги. Миролюбиво объясняю:

– Даже не пытайся, ничего не получится.

Рассерженно фыркнув, она ловко швыряет топорик. Он сносит голову курице, бедняжка, к своему несчастью, беспечно кудахтала за моей спиной. Правительница недоуменно взирает на бьющуюся в конвульсиях птицу, из ее шеи на шафренный песок вытекает рубиновая кровь. Гневно хмурит брови. У нее новая затея. Не предать ли меня костру? Я улыбаюсь.

– Тот, кто бесплотен, огню не подвержен.

Пенфи угрюмо размышляет, не веря в мое бессмертие. Интересуется.

– Ты кто?

– Плохой вопрос. Лучше спроси, зачем я здесь.

Она негодует, не привыкла, когда ей прекословят, но, смилив гордыню, осведомляется:

– Ну и зачем?

– Хочу поговорить.

Хмурится, все еще помышляя меня умертвить. Сегодня притопал один, а завтра...

– После меня никого не будет.

Вздрагивает, пугаясь, что читаю ее мысли. Усмиряет гнев, безразлично роняет:

– Говори.

– Как насчет слухов, будто в твоём племени избавляются от правой груди?

Дугообразные брови воительницы от удивления изгибаются еще круче. На лбу выступают паутинки морщин – она далеко не молода.

– Моя задача – развеивать мифы, – объясняю свою бестактность.

Она с недоверием взирает на меня, подозревая то ли в охальной лжи, то ли в скудоумном розыгрыше. Решившись, срывает с себя накидку, а затем и тунику. Я пристыженно молчу. Опомнившись, с усмешкой изрекаю:

– Царица может позволить себе некоторые вольности.

Пенфи иронически улыбается. Повелительным жестом зовет охранницу. Не смущаясь, та демонстрирует обе груди.

– А как насчет утверждения историка Диодора Сицилийского, будто ты явилась к Александру Македонскому «в красоте и силе замечательной», в сопровождении трехсот вооруженных соплеменниц, и якобы заявила: «Я прибыла, чтобы иметь от тебя ребенка. Из всех мужчин ты совершил наиболее великие подвиги, нет выше меня женщины по силе и храбрости. От двух столь выдающихся людей родится ребенок, который превзойдет всех смертных». Ты якобы провела с ним тринадцать дней и удалилась с обильными подарками.

Собеседница брезгливо интересуется, кто такой Македонский.

Объясняю.

– Да будь он хоть Зевсом, чего ради я бы отправилась к нему на поклон? – негодует Пенфи.

Вспоминаю сочинение «Поход Александра». Древнегреческий историк и географ подвергает сомнению встречу Александра с амазонками, вооруженными секирами и легкими щитами, хотя и верит в их существование, поскольку о них упоминает Геродот. По мнению Флавия, если Александр и встречался с женщинами—наездницами, это были «варварки, умевшие ездить верхом». **Арриана Флавия**

Плутарх также считает визит амазонки к Александру выдумкой. Он пишет, что «Александр в подробном письме к Антипатру говорит, что царь скифов дал ему в жены свою дочь, а об амазонке даже не упоминает. Рассказывают, когда много времени спустя Онесикрит () читал Лисимаху, тогда уже царю, четвертую книгу своего сочинения, в которой написано об амазонке, Лисимах с легкой усмешкой спросил историка: «А где же я был тогда?». *древнегреческий историк и писатель, ученик Диогена*

– Извини, существует мнение, что родившихся мальчиков вы умерщвляете.

У собеседницы глаза темнеют, наполняясь гневом.

– Ты хотя бы раз был отцом?

Молчу.

Она успокаивается и тихо поясняет:

– Счастье любой женщины – стать матерью, родить, но вот мальчик это будет или девочка, зависит от предначертания свыше. Так устроен мир. Как по мне, мужчин и женщин должно быть поровну, но в одних племенах – избыток женщин, в других – мужчин, и с этим ничего

не поделаешь. Даже враждебно настроенным друг против друга племенам волей—неволей приходится общаться, чтобы найти женихов и невест. И это — самый лучший способ против войны, ведь во время нее погибают по большей части именно мужчины. Мы бы охотно превратились в обычное племя, женщины рожали бы детей, а мужчины охраняли свои семьи и обеспечивали их едой. Но от нас шарахаются, мы будто проклятые: наши женщины рожают только девочек. Любая соплеменница старше двенадцати лет при желании может покинуть нас. Мы этому не препятствуем.

— Получается, историк Страбон нафантазировал, написав, будто твои девушки весной поднимаются на гору, соседствующую с некими гаргарами, обольщают их в темноте, после чего родившихся девочек оставляют себе, а мальчиков возвращают отцам.

— Твой Страбон сравнил нас с похотливыми кошками, надеюсь, за эту гнусную выдумку он сполна поплатился.

Мне нечем ее утешить, есть предположение, что древнегреческий историк и географ дожил до глубокой старости, но встречаться с ним, чтобы уточнить эту деталь его биографии, мне не хочется.

— Не знаю, насколько это тебя порадует. Есть народ, у которого принадлежность к племени определяется по матери, а не по отцу.

— Не говори этого моим сестрам по племени, они тебя не поймут. Для нас не имеет значения, кто мы, в том смысле, от кого родились. Десять лет назад мои всадники пленили чёрного воина из племени либу. Я бы ему голову отсекла, но пророчица воспротивилась, предрекла, что наш род пополнится мальчиками. Жалко, что она вскоре после этого вознеслась к небу, я бы её не пощадила. Этот либу понравился моей старшей дочери: складный и дюжий, а то, что черный, как мальта (), так это в постели не помеха. Когда родилась девочка, зачинатель сбежал. На что рассчитывал? Мои следопытки за два дня управились. Сказали, что повел себя достойно. Они только отрезали ему язык и отпустили. *смесь воска и смолы*

Пенфи резко приказывает одной из охранниц:

— Приведи Найру.

Десятилетняя девочка не по годам высока и стройна, смугла и черноволоса, разительно отличается от своих соплеменниц — невысоких, белолицых, с русыми или золотистыми волосами. Ее лицо поразительно красиво: угольные большущие глаза, округлый волевой подбородок, искусно вылепленный нос с легкой горбинкой, густые стреловидные брови и припухшие губы, будто налитые сочным гранатовым соком. Она явно кичится своей пригожестью, взирает на бабушку с притворной кротостью. На меня девочка не обращает внимания, будто ей неинтересно, кто я такой. Воительница строго взирает на внуку, но чувствуется, что это напускная суровость, больше рассчитанная на окружающих. Пенфи есть чем гордиться: лишившийся языка либу оставил после себя редкостный смарагд.

— Иди, детка, — взмахом руки отпускает внуку Пенфи, украдкой изучая, какое впечатление та произвела на меня.

Я поражен, однако настолько выучился управлять своими чувствами, что даже прозорливый Переговорщик иногда злится, не в силах их разгадать.

— Такая дева, когда передашь ей бразды правления, либо приведет племя к процветанию, либо погубит его, — констатирую я.

Воительница согласно кивает, ее лицо, осветившееся радостью при появлении внуки, мрачнеет. Пенфи долго размышляет, устремив невидящий взгляд на мертвую курицу.

— Я мечтала родить сына и передать ему тяготы управления родом. Но у меня три дочери. Грех жаловаться, с луком и топором управляются играючи. Ты не хуже меня знаешь, что любая война — удел мужчин, а не женщин. А для моих соплеменниц единственная утеха — убивать мужчин, демонстрируя свое превосходство. Если разобраться, это месть. Они сводят счета

с другими племенами, ибо сами не способны рожать мальчиков. Мы обречены, у нас мало шансов сохраниться.

Я молчу. Пенфи не нуждается ни в сочувствии, ни в советах. Размышляю, какой коварный недуг внедрился в её племя. Понятно, что произошел генетический сбой, но по какой причине? Ответа нет. Интересно, как отреагирует на эту загадочную болезнь Переговорщик? Скорее всего, возбудится до крайности и попытается докопаться до истины. Разумеется, я не собираюсь посвящать его в тайну амазонок, и без него среди тех, кто сегодня рьяно копается в человеческом геноме, найдутся безумцы или психопаты, одержимые идеей мужского или женского превосходства. Вообще-то, мне все равно, кто возьмет верх. В любом случае последствия окажутся трагическими.

— А ведь это толковая идея.

Вздвигнув, я в недоумении разглядываю Пенфесилею, не понимая, откуда она взялась. Смушают злорадная усмешка и злодейски игривые глаза. Дернул меня чёрт припомнить Переговорщика, любая мысль, даже не высказанная вслух, становится предметом нашего обсуждения.

— Что ты имеешь в виду?

— Оставить на Земле либо мужчин, либо женщин. Надо будет только придумать, как устроить контролируемое размножение однополого общества. В принципе, задача решаемая. Партеногенез в природе — обычное дело.

Глава вторая. Александр

Города, как и люди, имеют свою историю, но в отличие от любого человека, обреченного на смерть с колыбели, их участь бывает разной. Одни, преодолев смуту веков, здравствуют и поныне, а от других даже развалин не осталось. Город Пелла археологам удалось раскопать.

Брожу меж одиноких мраморных колонн, тоскующих по исчезнувшим дворцам. Любуюсь мастерски выполненной мозаикой. Сотни тысяч людей исшаркали украшенные ею полы, а она выглядит так, будто древние мастера буквально на днях завершили свою работу. Под ногами – голый Дионис, восседающий верхом на пятнистой пантере. Сидит почему-то боком, по—женски. Двое обнаженных молодцев, вооруженных топориком и кинжалом, вот—вот лишат жизни рогатую лань. Их собратья, похожие на них статью и небрежением к одежде, намереваются заколоть льва, весьма потешного – с широченной бородой и рано облысевшего. Тогдашние художники, подверженные мифам, не пытались изобразить реальную охоту. А жаль.

Потомки древних греков на месте раскопок соорудили музей, визуально не имеющий никакого отношения к античности. Убогая бетонная коробка со стеклопакетами. Двухэтажный музей внутри выглядит стильно и стерильно. Экспонаты размещены чинно – в ящиках, под стеклом и с подсветкой. Если исходить из находок, жители Пеллы, пусть далеко не все, не бедствовали. Один венок из золотых дубовых листьев чего стоит. Но больше всего меня поразил череп грека, скончавшегося более двух тысяч лет назад. Нынешние стоматологи в изумлении всплеснут руками, увидев три десятка отменных зубов, не ведающих кариеса.

О былой столице Македонского царства тогдашние мыслители, философы и писатели воспоминаний не оставили. Это выглядит странно, но не для меня. Их сочинения попросту обратились в прах, а предание гласности недоступных людям рукописей противоречит моим правилам. Древнегреческий историк в книге «История Рима от основания города» пишет: «Не зря здесь обосновались цари Македонии. Стоит Пелла на холме, глядящем на зимний закат (); вокруг нее болота, непроходимые ни летом, ни зимою, – их питают разливы рек. Крепость возвышается, как остров среди болот, в том месте, где они подходят к городу всего ближе; стоит она на громадной насыпи, способной выдерживать тяжесть стен и не страдать от влаги болот, её облегающих. Издали кажется, что крепость соединена со стеною города, хотя на самом деле их разделяет ров с водой, а соединяет мост, так, чтобы врагу было не подступиться, а любой пленник, заточённый царём, не мог бы бежать иначе как через мост, который легче всего охранять». **Тит Ливий** *юго-запад*

Сегодня вокруг развалин Пеллы местные фермеры распахивают поля. Трудно поверить, что город некогда построили посреди болот. Осматривая его останки, удивляюсь древним градостроителям. Они разбили столицу на кварталы, а улицы расположили по сторонам света: широкие – с запада на восток, узкие – с севера на юг. Даже умудрились проложить водопровод из керамических труб. Крыши домов, как и в сегодняшней Европе, покрывали черепицей.

В Пелле скончался древнегреческий поэт, его якобы загрызли собаки, что выглядит сомнительно. Прожив семьдесят четыре года, он, скорее всего, умер от старости. Но посетил я развалины города по другой причине – именно здесь явился миру Александр Македонский.

Еврипид

в книге «Сравнительные жизнеописания» пишет: «Александр родился в шестой день месяца гекатомбеона, который у македонян называется лой, в тот самый день, когда был сожжён храм Артемиды Эфесской. По этому поводу Гегесий из Магнесии произнес остроту, от которой веет таким холодом, что он мог бы заморозить пламя пожара, уничтожившего храм. «Нет ничего удивительного в том, что храм Артемиды сгорел: ведь богиня была в это время занята, помогая Александру появиться на свет». **Плутарх**

Разумеется, я не собираюсь расспрашивать Александра о мифическом свидании с Пенфи, а байки о том, что он родился в ночь, когда Герострат сжег храм Артемиды, меня не занимают.

Македонский интересен тем, что весьма преуспел на бранном поприще. Оказавшийся в двадцатилетнем возрасте у руля власти, он настолько проникся воинственным духом, что двенадцать лет и восемь месяцев без усталости воевал, причём успешно, даже добрался до Индии, преодолев тридцать тысяч с гаком километров.

История человечества в её истинном, а не приукрашенном виде, мне известна, но меня интересует, как её воспринимают сами люди.

Принято считать, что походы Македонского отобразил его личный историограф – . Объективностью он не страдал: то ли остерегался, то ли подпал под обаяние царя. Между тем Плутарх утверждает, что Каллисфен часто нарывался на неприятности и однажды решился на дерзость: на пирушке громогласно унизил Филиппа – покойного батюшку Александра. Якобы тот возвысился только из-за того, что завоеванные им греки погрязли в междоусобицах. И даже процитировал кощунственный стих: «Часто при расправах почет достается в удел негодяю». Даже если это вымысел, рекомендую нынешним и будущим участникам всяческих протестов против существующих властей запомнить эту фразу. **Каллисфен**

Однако вернусь к Каллисфену. Царь не закрыл ему рот, а всего лишь обиделся и затаил злобу. Интересный поворот. Может, Александр настолько опьянел, что не понял оскорбления? Сомневаюсь. Сам же Плутарх пишет, что, покидая банкет, Каллисфен сказал царю на прощанье: «Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный».

Это уже двойное оскорбление. Каллисфен не только прилюдно отказал царю в величии, но и намекнул на его уязвимость. Тем не менее философу это сошло с рук, умер он спустя многие годы. Его облыжно объявили заговорщиком. То ли повесили, то ли он скончался в тюремной камере от ожирения и вшей. Это слова Плутарха, а не моя гипотеза.

Размышляю, почему возвеличивание Александра Македонского в XX веке превратилось в идолопоклонство – народный царь, гениальный полководец, освободитель от рабства, чудотворец в истории и даже ясновидец. Думаю, некоторым представителям человечества после бесславной авантюры Гитлера, закончившейся триумфом обычных русских солдат, позарез понадобился образцовый воин. Очищенный от скверны порабощения других народов и настолько благообразный, что нет смысла искать в нем изъяны. Существует и менее распространенная точка зрения. Дескать, Македонский – бездарный вояка (), вдобавок безжалостный убийца, отправивший на тот свет всех ближайших родственников. *за него командовал военачальник Парменион, служивший еще его отцу*

О жертвах походов Македонского некоторые современные историки предпочитают умалчивать. В связи с этим уместно вспомнить плодовитого и его книгу «Поход Александра». Безоговорочно доверять историку не стоит, поскольку он относился к Македонскому с придыханием и трепетом: «Нет другого человека, который – один – совершил бы столько и таких дел; никого нельзя ни у эллинов, ни у варваров сравнить с ним по размерам и величию содеянного». По словам историка, Македонский «замышлял дела не малые и не легкие, и не усидел бы спокойно на месте, довольствуясь приобретенным, если бы даже прибавил Европу к Азии, а к Европе острова бретанов. За этими пределами стал бы он искать еще чего-то неизвестного и вступил бы, если бы не было с кем, в состязание с самим собой». **Арриана**

Мне нравится, что Арриан иногда пытается быть объективным. По его мнению, Александр «обнаружил, что находится во власти двух пороков, а именно гнева и пьянства – разумному человеку не подобает быть во власти даже одного из них». «Известно, что Александр, воображая себя в глубине души сыном Амона (), а не Филиппа, потребовал, чтобы ему кланялись в землю; восхищаясь обычаями персов и мидян, он сменил одежду и переделал чин

дворцового этикета». «Рассказывают, что он услышал, будто арабы чтут только двух богов – Небо и Диониса: Небо потому, что оно видимо, на нем находятся звезды, а также и солнце, от которого людям великая и явная во всем польза, а Диониса за его славный поход к индам. По мнению Александра, он был достоин того, чтобы арабы и его чтили как третьего бога, ибо он совершил подвиги, ничуть не меньшие, чем Дионис; одолев арабов, он разрешит им, как индам, управлять страной по своим законам». *Амон, древнеегипетский бог*

Арриан и сам излишней скромностью не страдал. Оценивая себя, он глаголил: «Я считаю, что достоин места среди первых эллинских писателей, если Александр первый среди воителей».

Рассказывая о том, как Александр гонялся за персидским царем Дарием и наносил ему одно поражение за другим, Арриан свидетельствует: в одном из сражений число убитых персов «». Во время штурма города Тир () разразилась «страшная бойня, македонцы бушевали...», «Тех, кто бежал в храм Геракла (тут были главные правители Тира, царь Адземилк и некоторые богомольцы из Карфагена, пришедшие по древнему обычаю в метрополию поклониться Гераклу), Александр помиловал; остальных обратил в рабство. Продано было тирийцев и чужеземцев, захваченных в Тире, до тридцати тысяч». **доходило до ста тысяч. Птолемей, сын Лага, следовавший тогда за Александром, рассказывал, что когда они, преследуя Дария, оказались у какой-то пропасти, то перешли через нее по трупам убили восемь тысяч местных жителей** *Ливан*

«Жители Газы (), хотя город уже был взят, все равно продолжали сражаться, и погибли все. Детей и женщин Александр обратил в рабство». *Палестина*

В очередном сражении с Дарием близ города Арбел () «из людей Александра было убито человек сто. ; в плен же было взято гораздо больше; взяты были и слоны, и колесницы, которых не изрубили в бою». *Эрбиль в Ираке* **У варваров, говорят, погибло до тридцати тысяч человек**

По пути в Индию Александр с местными туземцами не церемонится. «Снявшись из Суз () и перейдя реку Паситигр (), он вторгся в землю уксиев (). Перепуганные стремительным появлением Александра, лишённые укреплений, на которые они больше всего полагались, уксии бежали раньше, чем дело дошло до рукопашной. Одни во время бегства пали от руки Александровых воинов; многие убились, срываясь с обрывистой дороги. Большинство, убежав в горы, наткнулись на солдат Кратера (и были перебиты. Дань на них наложена была такая: ежегодно сто лошадей, пятьсот вьючных животных и тридцать тысяч овец; денег у уксиев нет, и земли они не обрабатывают; в большинстве своем это пастухи». *провинция Хузестан в Иране верховья Тигра народ, населявший восточную часть древней Сузианы предводитель пеших телохранителей в войске Александра),*

В Индии «есть неприступный город Сангалы» (). Македонского это не смутило. «Машины были собраны и подведены к стене. Раньше, однако, чем была сделана хоть одна пробоина, македонцы подкопались под стену (она была кирпичная), наставили кругом лестниц и взяли штурмом город. ; , триста колесниц и пятьсот всадников. У Александра за всю осаду погибло немногим меньше ста человек». *ныне Джаландхар в долине между реками Биас и Сатледж* **При взятии погибло семнадцать тысяч индов в плен взяли больше семидесяти тысяч человек**

Если верить Плутарху), то начал Александр с того, что напал на Фивы (). Местные жители «бились с мужеством и доблестью, превышавшими их силы, оказывая сопротивление врагу во много раз более многочисленному. Однако, когда македонский гарнизон напал на них с тыла, большинство фиванцев попало в окружение и погибло в битве. Город был взят, разграблен и стерт с лица земли. Пощадив только жрецов, граждан, связанных с македонянами узами гостеприимства, потомков Пиндара, а также тех, кто голосовал против восстания, ». («Сравнительные жизнеописания» **город в древней Греции, основанный финикийцами Александр про-**

дал всех остальных в рабство, а их оказалось более тридцати тысяч. Убитых было более шести тысяч

В первой битве с Дарием «в войске Александра погибло всего тридцать четыре человека, из них девять пехотинцев, . Александр, одержав блестящую победу, , но не смог захватить Дария, который, спасаясь бегством, опередил его на четыре или пять стадиев». Александр, провозглашенный царем Азии после окончательной победы над Дарием, «устраивал пышные жертвоприношения, раздаривал своим друзьям богатства, дворцы, отдавал им в управление целые области». **варвары потеряли двадцать тысяч пехотинцев и две тысячи пятьсот всадников уничтожил более ста десяти тысяч врагов**

Об отношении Македонского к плебсу можно судить хотя бы по отрывку из книги Плутарха. Вот что случилось во время перехода через Вавилонию (). *царство между Тигром и Евфратом, территория нынешнего Ирака*

«Желая показать Александру природную силу нефти, варвары опрыскали этой жидкостью улицу, которая вела к дому, где остановился царь; затем, когда стемнело, они встали на одном конце этой улицы и поднесли факелы к местам, смоченным нефтью. Нефть тотчас вспыхнула; пламя распространилось молниеносно, в мгновение ока оно достигло противоположного конца улицы, так что вся она казалась объята огнем. Среди тех, кто обычно омывал и умащал царя, забавляя его разными шутками и стремясь привести в веселое расположение духа, был некий афинянин Афинофан. Однажды, когда в купальне вместе с царем находился мальчик Стефан, обладавший прекрасным голосом, но очень некрасивый и смешной, Афинофан сказал: „Не хочешь ли, царь, чтобы мы испробовали это вещество на Стефане? Если даже к нему оно пристанет и не потухнет, то я без колебаний признаю, что сила этого вещества страшна и неодолима!“. Стефан сам охотно согласился на это испытание, но как только мальчика обмазали нефтью и огонь коснулся тела, яркое пламя охватило его с головы до пят, что привело Александра в крайнее смятение и страх. Не случись там, по счастью, нескольких прислужников, державших в руках сосуды с водой, предназначенной для омовения, остановить пламя не удалось бы вовсе, но даже и эти прислужники с большим трудом потушили огонь на теле мальчика, который после этого находился в очень тяжелом состоянии».

Плутарх указывает, что «Александр после битвы при Иссе () послал войска в Дамаск и захватил деньги, пожитки, жён и детей персов. Большая часть добычи досталась фессалийским всадникам, особо отличившимся в битве: Александр намеренно послал в Дамаск именно их, желая дать им возможность обогатиться. Остальное войско Александра также имело всё в изобилии. Македоняне тогда впервые научились ценить золото, серебро, женщин, вкусили прелесть варварского образа жизни и, точно псы, почуявшие след, торопились разыскать и захватить все богатства персов». *руины древнего города Исс расположены в турецкой провинции Хатай*

«Вообще Александр держал себя по отношению к варварам очень гордо – так, словно был совершенно убежден, что он происходит от богов и сын бога; с греками он вел себя сдержаннее и менее настойчиво требовал, чтобы его признавали богом».

«Александр овладел Сузами, где нашел в царском дворце сорок тысяч талантов в чеканной монете, а также различную утварь и бесчисленные сокровища. Обнаружили там, как рассказывают, и на пять тысяч талантов гермионского пурпура, пролежавшего в сокровищнице сто девяносто лет, но все еще сохранявшего свежесть и яркость».

Благородством царь не страдал. «Храбрейшие из индийцев, переходившие из города в город, сражались отчаянно и причинили Александру немало вреда. В одном из городов Александр заключил с ними мир, ». **а когда они вышли за городские стены, царь напал на них в пути и, захватив в плен, перебил всех до одного**

Не в моих правилах беседовать с человеком на смертном одре, я не священник и отпущением грехов не занимаюсь. Но лучше выслушать мнение из первых уст, чем из посторонних источников.

Присаживаюсь на ковер подле каменного ложа, устланного бычьими шкурами. Лежащий на них молодой человек, ничем не прикрытый, со спутанными от пота пшеничными волосами, вызывает недоумение. Неужели это бледное худосочное тело, без каких—либо признаков мускулистости, принадлежит Александру? Нынешние историки считают его блондином, брюнетом и даже рыжим. Невольно вспоминаю рассказ Плутарха: «Апеллес (), рисуя Александра в образе громовержца, не передал свойственный царю цвет кожи, а изобразил его темнее, чем он был на самом деле. Как сообщают, Александр был очень светлым, и белизна его кожи переходила местами в красноту, особенно на груди и на лице. Кожа Александра очень приятно пахла, а изо рта и от всего тела исходило благоухание, которое передавалось его одежде, — это я читал в записках Аристоксена (). Причиной этого, возможно, была температура его тела, горячего и огненного, ибо, как думает Феофраст (), благовоние возникает в результате воздействия теплоты на влагу. Поэтому больше всего благовоний, и притом самых лучших, производят сухие и жаркие страны, ибо солнце удаляет с поверхности тел влагу, которая дает пищу гниению. Этой же теплотой тела, как кажется, порождалась у Александра и склонность к пьянству и вспыльчивость». *греческий живописец, придворный художник Македонского древнегреческий философ и теоретик музыки древнегреческий философ, естествоиспытатель, теоретик музыки*

По словам Плутарха, «всякий раз, как приходило известие, что Филипп () завоевал какой-либо известный город, или одержал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам: «Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего». Батюшка в качестве учителя приставил к сыну Аристотеля, благодаря ему Александр «не только усвоил учения о нравственности и государстве, но и приобщился к тайным, более глубоким учениям». После того, как Аристотель опубликовал свои книги, воспитанник написал ему письмо: «Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах». *отец Александра*

Плутарх пишет, что «двадцати лет от роду Александр получил царство, которому из-за сильной зависти и страшной ненависти соседей грозили со всех сторон опасности. Варварские племена не хотели быть рабами, но стремились восстановить искони существовавшую у них царскую власть».

Попросту говоря, Плутарх считает стремление других народов к независимости абсурдным, им надлежит падать ниц пред поработителями и беспрекословно подчиняться.

В свете лампы — узкого глиняного горшка с фитилем из тростника — царь выглядит неважно. Если бы доподлинно не знал, что он жив, принял бы за покойника. Бросаются в глаза впалые щеки, фиолетовые круги под глазами, заросший рыжеватой щетиной подбородок, заострившийся нос и узкие губы, напоминающие двух слипшихся обескровленных пиявок. Александр, не открывая глаз, шумно и горячо дышит.

По моим прикидкам, жить ему осталось недолго. Какая—то причуда дьявола: судя по множеству шрамов на теле, царь сражался ретиво, в тенёчке не отсиживался, а заканчивает свою жизнь от болезни как обычный смертный. Я не эскулап, не могу определить на глазок, что его свалило. Чемеричная настойка вкупе с вином, лихорадка, малярия, брюшной тиф, воспаление легких, цирроз печени или стрихнин, который якобы доставили во дворец Вавилона из Македонии в копыте мула. Если верить записям Гиеронима Кардийского, одного из командиров македонской армии, Олимпиада, мать царя, даже на пороге смерти не сомневалась, что

ее сына отравили. Однако какая разница, от чего умер Александр? Пытливые и завистливые историки, пытающиеся погреться возле комелька чужой славы, скоры на диагнозы. Им невдомек, что важна сама смерть, а не её причины. А если бы царя сразило копьё? Как сказал Софокл, все мы, живущие на этом свете, лишь призраки или легкая тень. Странно, но обе метафоры относятся ко мне как нельзя лучше.

Мои размышления прерывает гортанный возглас. Вздвигнув, поднимая глаза. Очнувшийся Александр взирает на меня с недоумением, в глазах явственно проглядывает страх.

– Ты пришел меня убить?

Голос царя слаб, он с трудом выталкивает из себя слова, будто каждое весит больше пуда.

Вспоминаю бывшего римского раба Эпиктета, ставшего известным философом среди тогдашних стоиков. Спустя триста с гаком лет после смерти Александра он поделился любопытным умозаключением: «Людей в смятение приводят не сами вещи, но их собственные представления об этих вещах. Например, в смерти нет ничего ужасного, поскольку в противном случае так показалось бы и Сократу. Однако, поскольку мнение о смерти внушает страх, то оно является причиной страха». Комментируя это изречение, другой греческий философ Симпликий спустя четыреста лет отмечал: «Итак, если смерть относится к вещам, находящимся вне нашей власти, то она не может быть злом. А если она есть зло, то не для нашей души, а для тела, то она, пожалуй, для нас вовсе и не зло».

Любопытно, как отнесётся к этим силлогизмам Александр, если я их озвучу. Легко рассуждать о смерти теоретически, будучи в добром здравии. Тот же Эпиктет прожил более восьмидесяти лет, пусть и в беспощадной бедности. По сравнению с ним в смысле продолжительности жизни, Александр – блистательная комета, внезапно вспыхнувшая и скоростижно сгоревшая. Успокаиваю.

– Вздор. Ты и так скоро престоавишься.

– Знаю.

Александр, закрыв глаза, судорожно хватая ртом воздух, пытается совладать с дрожью, завладевшей его телом. Его мучает жажда, он бы осушил до дна даже бассейн, однако диadoхи (), обуреваемые склоками по поводу передачи царской власти, забыли о нем. Я не собираюсь облегчать его муки, дабы не изменить ход истории. Согласитесь, есть что-то логичное в том, что, обладая абсолютной властью, приходится испускать дух в одиночестве. Наполеон заканчивал свои дни под присмотром единственного и верного слуги, а в спальню, где медленно, но верно умирал грозный Сталин, врачи и соратники якобы удосужились заглянуть только утром. Правда, есть версии, что Наполеона травил мышьяком, а Сталина – варфаринном, лекарством, разжижающим кровь и способствующим буйному кровотечению, что вполне возможно, но всего лишь доказывает правоту Софокла. В моем вольном переводе его фраза звучит так: «Если лев настолько ослаб, что не может шевелить лапами, почему ранее раболепствующие соперники должны с ним по-прежнему считаться?». *полководцы Александра Македонского, которые после его смерти военным путем разделили империю*

– Зачем ты здесь?

Александр, повернув голову набок, пытливо вглядывается в меня. Этот вопрос мне наскучил, его так часто задают, что непременно обрадуюсь, когда кто-нибудь, например, поинтересуется, играю ли я в шахматы. Но почему-то такой вопрос мне не задают. Могли бы поинтересоваться, предсказываю ли я судьбу. В отличие от гадалки, мне доподлинно известна дата смерти той или иной личности.

– Хочу узнать, каково быть захватчиком, погубившим на пути к славе собственное воинство.

Царь досадливо морщится. Слово «завоеватель» ему наверняка ближе к сердцу. Поход Александра в Индию, из которого, если верить Плутарху, , выглядит авантюрой. Следует учитывать, что тогда гражданами Древнего Рима считались только те жители, которые имели право

на земельную собственность, участие в политической жизни () и защите родных рубежей. С этой точки зрения, потери Рима были катастрофическими. **из ста двадцати тысяч пехотинцев и пятнадцати тысяч всадников возвратились менее четверти избрание должностных лиц и принятие законов**

Тот же Арриан, питающий к царю небывалое почтение, пишет, что у индусов золота не было вовсе, и жизнь они вели вовсе не роскошную. Уговаривая войско продолжить наступление вглубь Индии, Александр упрекнул: «Что совершили бы мы великого и прекрасного, если бы сидели в Македонии и считали, что с нас хватит и спокойной жизни: охранять свою землю и отгонять от нее соседей». На что сын одного из командиров вполне резонно возразил: «Царь, если что хорошо, так это смирение в счастье. Тебе, такому вождю, ведущему такое войско, нечего бояться врагов, но божество может послать нечто неожиданное, и человеку тут остеречься невозможно».

Александр, застонав от боли, изрекает:

– Я оставляю после себя громадную и богатейшую империю.

Другого ответа я и не ожидал. Историк и нравоучитель через триста шестьдесят лет после смерти Александра заметил, что тот «в завоеваниях владений искал себе славу, которая вмещала бы в себя всех богов». **Валерий Максим**

Размышляю, огорчить ли царя сообщением, что основанное им царство диадохи разорвут на куски, или оставить в милосердном неведении, ведь после такого известия запросто могу ускорить его неминуемую кончину и тем самым нарушить добровольно взятое на себя обязательство не вмешиваться в историю человечества. Тяжко бороться с искусом осведомленности, так и тянет порой огорчить самодержцев, князей, королей, президентов или султанов неприятным известием – поведать о том, что все их потуги на величие рассыплются в прах, как только они протянут ноги.

Вздрагиваю от внезапного смеха. Александр, хихикая, тычет пальцем в стену позади меня.

– Я разгадал тебя, чужеземец. Ты – не человек!

Оглядываюсь. Стена из светло-желтого кирпича украшена бирюзовой изразцовой плиткой с изображением сирруша – диковинного зверя из разряда драконов, с узким чешуйчатым туловищем, змеиной головой (из затылка торчит рог, а из пасти вырывается раздвоенный язык), с тонким задранном хвостом и необычными лапами: передние как у пантеры, а задние – орлиные. Бывший хозяин дворца Навуходоносор питал к этому фантастическому животному слабость. Сам ли его придумал или расстарался наделенный могучей фантазией придворный живописец, но получилось впечатляюще. У всех, кто впервые попадал во дворец, сирруш неизменно вызывал оторопь и страх, на что и рассчитывал Навуходоносор. Гости приходили к выводу, что с хозяином царства лучше не связываться, может, и в самом деле обзавелся хищником, который проворен, как пантера, и ядовит похлеще змеи. Но чему так радуется Александр? Дворец напичкан изображениями сирруша.

В недоумении оборачиваюсь к царю. Он торжествующе поясняет:

– У тебя нет тени.

Александр поднимает руку, на стене появляется ее размытая тень от горящей лампы. Я одобрительно киваю, приятно удивленный тем, что царь, даже будучи на пороге смерти, не потерял здравости рассудка и наблюдательности.

– Ты уже решил, кому оставишь царство? – деловито интересуюсь я, памятуя о том, что Арриан написал, будто царь на этот вопрос ответил: «Наилучшему» и якобы добавил: «Вижу, что будет великое состязание над моей могилой».

– Я получил Македонию от своего отца, Роксана на сносях, если родит сына, он и унаследует империю.

Резонно, хотя Александр зря не вспоминает о второй законной жене, я бы на его месте заранее предупредил обеих потенциальных вдов, кто из них главная, поскольку обе – чужестранки и обладают равными правами. Александр, как и его покойный батюшка, к женщинам относится потребительски. История с его женами банальна и поучительна. Македонцы взяли штурмом крепость вождя бактрийского племени Оксиатра и пленили его жену и дочерей. Неизвестно, сколько Оксиатр наплодил дочек, но одна из них, девственница по имени Роксана, поразила Александра красотой (). Как пишет Арриан, царь—захватчик влюбился в неё с первого взгляда, и «хотя она была пленницей, отказался из-за страстного влечения к ней взять её силой и снизошел до женитьбы». *древние историки называют её непревзойденной красавицей Азии*

Через четыре года Александр разгромил персидского царя Дария и женился на его старшей дочери Статире. В обоих случаях полководец исходил из прагматических соображений: нет лучшего способа подружиться с бывшим врагом, чем стать его ближайшим родственником. Однако Александр в силу мужского эгоизма не принимал в расчет, что государственная политика и женская ревность несовместны.

Смотрю на него и думаю, зря некоторые правители пользуются правом многоженства. С увеличением отпрысков множатся предпосылки для распада государства. Как пишет Плутарх, Роксана страстно возненавидела соперницу, заманила Статиру и её сестру к себе, расправилась с обеими и выбросила трупы в колодезь. Однако поплатилась за это с лихвой: спустя многие годы её убили вместе с четырнадцатилетним сыном, который так и не стал преемником удачливого отца.

Не исключаю, что Александр не воспринимал женщин всерьез, включая собственных жен. Он относился к ним как к приятному времяпрепровождению. Об этом свидетельствует . В книге «Естествознание» есть сюжет о художнике Апеллесе. Его работы нравились Македонскому. Если верить Плинию, в живописи Апеллеса «было особенное очарование», у художника «была вообще постоянная привычка никогда не проводить ни одного дня, как бы он ни был занят, без того, чтобы не совершенствовать свое искусство». Художник «выставлял на балконе законченные произведения на обозрение прохожим, а сам, скрываясь за картиной, слушал отмечаемые недостатки, считая народ более внимательным судьей, чем сам». Какой-то сапожник высказал неодобрение по поводу одной сандалии, художник сделал на ней меньше петель. На следующий день этот же сапожник, гордясь исправлением, сделанным благодаря его замечанию, стал насмехаться по поводу голени. Апеллес «в негодовании выглянул и крикнул, чтобы сапожник не судил выше сандалий, и это тоже вошло в поговорку». Апеллес знал себе цену. «Когда Александр в мастерской пускался в рассуждения о том, в чем не разбирался, он вежливо призывал его к молчанию, говоря, что над ним смеются мальчики, которые растирают краски». Но суть не в этом. В знак уважения к таланту художника Александр повелел ему «написать обнаженной из-за поразительной красоты особенно им любимую одну из своих наложниц, по имени Панкаспа». Во время работы Апеллес по уши влюбился в девушку, Александр это заметил и великодушно подарил её художнику. Как пишет Плиний, этим поступком Македонский «победил самого себя, подарил художнику не просто свою наложницу, а любимую женщину, не посчитавшись даже с возлюбленной, она ведь до этого принадлежала царю, а теперь стала принадлежать живописцу». **Плиний Старший**

Согласитесь, великодушие Александра не имело границ. Тем не менее имена его жен – Роксаны и Статир – даже через триста лет пользовались необыкновенной популярностью. Например, так назвал своих дочерей Митридат, царь Понта (). Правда, счастья им это не принесло, обе досидели в девицах до сорока лет и покончили с собой, приняв яд. *греко-персидское государство в Малой Азии на южном берегу Черного моря*

Продолжая беседу, я указываю Александру на его очевидный просчет:

– Роксана может произвести на свет девочку, да и вообще не разрешиться от бремени по независящим от нее обстоятельствам.

Александр молчит, на его глаза наворачиваются слезы.

– Эх, Гефестион, – с болью еле слышно произносит он и отворачивается.

Я его понимаю. Если бы восемь месяцев назад Гефестион, преданный друг, блистательный военачальник, правая рука царя и потенциальный преемник, внезапно не скончался от непонятной хвори, нынешний разговор не имел бы смысла. По словам Плутарха, тяжело заболевший Гефестион, «человек молодой и воин, не мог подчиниться строгим предписаниям врача и однажды, воспользовавшись тем, что врач его Главк ушел в театр, съел за завтраком вареного петуха и выпил большую кружку вина. После этого он почувствовал себя очень плохо и вскоре умер». Неутешный царь приказал в знак скорби не только обрезать гривы лошадям и мулам, но и снести зубцы крепостных стен.

В отличие от Плутарха, о том, чем занимался Александр после кончины закадычного друга, более подробно и добросовестно пишет Арриан. Философ утверждает, что горе царя было велико, однако многочисленные свидетельства очевидцев нелепы и противоречивы: упав на труп друга, так и пролежал, рыдая, большую часть дня; обрезал над трупом свои волосы; повесил врача за плохое лечение дражайшего пациента; велел сравнять с землей храм Асклепия в Экбатанах. Борзописцев можно понять: если царь замкнулся в себе и весь день отказывался от еды, храня скорбное молчание, то это выглядит по меньшей мере примитивно. Куда эффектнее отобразить его шизофреником.

Спустя более двух тысяч лет другие бумагомараки, ориентирующиеся на собственные плотские пороки и не имеющие никаких оснований и фактов, предполагают, будто Александра и Гефестиона связывали не только узы дружбы. Они подло отвергли свидетельство Плутарха: «Однажды Филоксен, командовавший войском, стоявшим на берегу моря, написал Александру, что у него находится некий тарентинец Феодор, желающий продать двух мальчиков замечательной красоты, и осведомлялся у царя, не хочет ли он их купить. Александр был крайне возмущен письмом и не раз жаловался друзьям, спрашивая, неужели Филоксен так плохо думает о нем, что предлагает ему эту мерзость. Самого Филоксена он жестоко изругал в письме и велел ему прогнать прочь Феодора вместе с его товаром. Не менее резко выбранил он и Гагнона, который написал, что собирается купить и привезти ему знаменитого в Коринфе мальчика Кробила».

Современным историкам невдомек, что проверенная в гибельных схватках мужская дружба куда крепче плотской любви.

Никто не знает, где похоронен Александр (), зато в его честь установлено немало памятников. Мне по сердцу тот, который стоит в Салониках на берегу моря. Александр восседает на своем любимом и верном Буцефале. У царя в правой руке меч, а колени крепко прижаты к крупу коня, тот в стремительном галопе задрал передние копыта, его пышный хвост развеивается на ветру. Мне возразят, дескать, памятник в Скопье, столице Македонии, ничем не хуже, композиция та же, разница лишь в том, что в первом случае царь руку с мечом отвел в сторону, а во втором задрал к небу. Да и монумент в Александрии, где Буцефал несется рысью, а царь вместо меча держит в правой руке фигурку Ники, также красив и величественен. Как по мне, первый монумент воздушен и настолько убедителен, что дух захватывает, а второй и третий несколько тяжеловесны и приземлены, нет в них свойственной царю бесшабашности. Жаль, что он не прислушался к своему учителю Аристотелю, который считал, что смысл жизни – служить другим и делать добро. Переговорщик, будь его воля, таких удачливых и тщеславных вояк, как Македонский, внедрял бы во все племена и народы через каждые пятьдесят лет, чтобы с удовольствием наблюдать, как они лихо истребляют друг друга. Может, спросить царя о самом светлом и счастливом дне его жизни? *мне это место известно*

Поднимаю глаза. Поздно. Александр уже перебрался в лодку мрачного молчаливого Харона и отправился в свой последний поход по кипучим волнам Стикса. В уголках широко открытых карих глаз блестят слезинки. Вскоре они высохнут, никто не узнает, что в последние минуты жизни жестокосердный царь плакал, горя не о жёнах, а о безвременно умершем друге.

Глава третья. Герострат

Если бы время представляло собой линейную величину сродни подзабытой в эпоху компьютеров логарифмической линейке, путешествие по нему не представляло бы никакой сложности. Передвинул бегунок по шкале в заранее просчитанное место – и ты на острове Пасха, в тот период, когда местные жители истово ваяют исполинов. Как бы не так. Почему вы решили, что окажетесь на искомом острове? Земля огромна, не исключено, что попадёте в объятия султана ас-Салиха Айюба, разгромившего крестоносцев, или угодите в Египет, чтобы вкушать плоды очередного государственного переворота. Все дело в особом пространственно-временном факторе, пренебрегать им не следует.

Человеческая память напоминает склад, заваленный в беспорядке всевозможным товаром. Попробуйте найти нужные вещи, если не знаете схему их размещения и принципы расположения на стеллажах и полках. Любой человек не раз сталкивался с так называемым ускользающим воспоминанием. Это может быть то или иное событие или, например, знакомое лицо, которое он где-то видел. Мучается имярек, злится и проклинает себя за дырявую память. Между тем никаких провалов в ней нет, в мозге хранится вся информация начиная с рождения человека, только доступ к ней затруднён. В какой—то мере своеобразным компенсатором может стать личный дневник. Если вы десятки лет систематически отражали в нем чувства, мысли и события, то, прочитав ту или иную запись, с легкостью восстановите мельчайшие подробности конкретного периода своей жизни. Не пренебрегайте ручкой и блокнотом, они удлинят вашу жизнь. Её продолжительность определяется количеством полученных впечатлений, а не прожитыми годами.

С большой натяжкой дневником человечества можно назвать публичные библиотеки. Забудьте об Александрийской, она окончательно утрачена (), гораздо нагляднее выглядит хранилище книг конгресса США в Вашингтоне, насчитывающее более ста пятидесяти миллионов наименований. Оно состоит из трех зданий, только в одном насчитывается двести девяносто километров стеллажей. Если вы зайдете в это хранилище, не имея представления, где находится искомое произведение, то потратите уйму времени, чтобы его найти. Тут и скажется пространственно-временной фактор, о котором я упоминал, ибо вам придется часами бродить по длинным коридорам, нагибаться, взбираться на стремянку меж стеллажей. К счастью, есть библиотечный каталог, а также опытные сотрудники, готовые разыскать и вручить вам нужный экземпляр. *впрочем, не совсем, но выдавать местонахождение уцелевших двадцати тысяч экземпляров я не собираюсь*

Зачем я объясняю эти прописные истины? Для меня перемещение во времени и пространстве, несмотря на искусственность, выглядят совершенно не так, как вы это себе представляете, приходится учитывать множество факторов, включая географические координаты. Системами глобального позиционирования не пользуюсь, поскольку они в отношении прошлого бесполезны. У меня нет под рукой ни одного гида, зато есть собственный каталог истории человечества, однако ошибки () все же случаются. Учитывая их, я не спешу покинуть ту или иную эпоху, если в ней помимо главного персонажа присутствует другой, пусть и не столь заметный, но не менее любопытный. Я уже упоминал, что в числе прочих моих задач – развенчание мифов. А потому решил встретиться с Геростратом, который якобы сжёг храм Артемиды в Эфесе. *курьезные и досадные*

У древних философов нет мнения относительно обмана как такового. , хоть и с оговорками, приемлет полезное враньё: «Уж кому—кому, а правителям государства надлежит применять ложь – как против неприятеля, так и ради своих граждан, ради пользы своего государства, но всем остальным к ней прибегать нельзя. Если частное лицо станет лгать собственным

правителям, мы будем считать это таким же – и даже худшим – проступком, чем ложь больного врачу». **Платон**

признаёт, что «обман сам по себе дурен и заслуживает осуждения», но вослед Платону допускает ложь во спасение. Если тиран заточил в темницу супружескую пару и требует выдать местонахождение сына, то почему бы им и не соврать. **Аристотель**

категорически против несправедливости и придает ей юридическую окраску. Философ указывает, что обман свойственен лисице, а насилие – льву. «И то и другое совершенно чуждо человеку, но обман более ненавистен». В то же время он увязывает нравственность с полезностью. Ложная клятва пирату – не повод каяться в проступке. **Цицерон**

Их громит в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия». Он утверждает, что «ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает неприменимым самый источник права». По мнению Канта, «тот, кто лжет, какие бы добрые намерения он при этом ни имел, должен отвечать даже и перед гражданским судом и поплатиться за все последствия». **Иммануил Кант**

«Правдивость есть долг, который надо рассматривать как основание всех опирающихся на договор обязанностей, и стоит только допустить малейшее исключение в исполнении этого закона, чтобы он стал шатким и бесполезным». Кант непреклонен: правдивость – «священная, безусловная повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума». По его словам, «долг говорить правду» – безусловный, независимый от личности. Особенно мне нравится следующее высказывание Канта: «Не право к политике, но, напротив, политика всегда должна применяться к праву».

В какой-то мере я согласен с мнением уважаемых мною древнегреческих философов, хотя само понятие «ложь» размывается ими до такой степени, что трудно определить границу между искажением истины и правдой. Можно оспаривать и категоричность Канта. Но вот что меня удивляет. Люди устроены своеобразно. Когда на них возводят напраслину, они, задыхаясь от негодования, вопиют о безнравственности распространителей слухов и о скудоумии тех, кто им верит. Но если клевета не касается их лично, безоговорочно доверяют выдумкам.

Вот на чем основана убежденность в том, что именно Герострат непосредственно причастен к гибели храма? В том, что одно из семи чудес света античности сгорело дотла, нет никаких сомнений, но по какой причине и как оно выглядело до пожара, доподлинно не знает никто.

Первоисточником служат труды историка. Рассуждая о земной славе, он указывает, что она всеядна и, кроме достойных, «трогает людей самого подлого состояния». Далее он вспоминает Павсания, телохранителя Филиппа (). Этот никому не известный ничтожный страж зарезал царя в театре. Чем же руководствовался Павсаний? Спустя тысячи лет после этого события историки выдвигают множество версий, однако ни одна не выглядит убедительной. У Валерия Максима собственная точка зрения. Он пишет, что когда Павсаний поинтересовался, как прославиться, ему посоветовали убить знатного человека, поскольку «слава одного к нему обратится». Павсаний, недолго думая, тотчас убил самого известного в Македонии человека и получил, что искал: «Учинил себе известность столько же злодейским убийством, сколько и добродетелью Филиппа». **Валерия Максима** отца Александра Македонского

Об этом прискорбном происшествии Валерий не зря вспоминает. Далее он переходит к описанию святотатственного желания славы. «Нашелся такой человек, который вознамерился сжечь храм Дианы Эфесской, чтобы его имя стало известным во всем мире. Однако такое неистовство в мыслях показал он только под пытками. Эфесцы разумно поступили в этом деле, истребив память о нем молчанием, и никто бы не узнал, ежели бы Феопомп по великому своему красноречию и разуму не внёс одного в свои повествования», – пишет Валерий. Вполне вероятно, что в то время труды историка Феопомпа были на слуху и Валерий не указал имя поджигателя исходя из моральных соображений. Книги Феопомпа не уцелели, зато имеется

«География», в которой автор пишет: «Первым строителем храма Артемиды был Херсифрон, затем другое лицо его расширило. После того как некий Герострат сжег храм, граждане воздвигли другой, более красивый, собрав для этого женские украшения, пожертвовав своё собственное имущество и продав колонны прежнего храма». **Страбона**

Делать вывод о виновности Герострата на основании таких скудных сведений по меньшей мере опрометчиво, а потому я выбрал наиболее приемлемый вариант – оказаться в Эфесе неподалеку от сгоревшего храма и узнать подробности у местных жителей.

Судя по описаниям древних историков, храм в честь Артемиды поражал величием и стройной геометрией: расположенные по периметру в два ряда сто двадцать мраморных колонн высотой восемнадцать метров легко несли на своих плечах увесистую крышу. Что было внутри, никто не знает, могу предположить, что убранство ничем не уступало впечатляющему внешнему виду.

Раннее утро, пред глазами печальное и поучительное зрелище. Крыша обвалилась, растолкав величественные колонны – одни покосились, другие разбились на куски. От скорбного пожарища, окутанного черным дымом, исходит неприятный запах. Размышляю. Внутри этой громадины была адская температура. Но чему в ней гореть, если внизу – сплошной мрамор, а до деревянных перекрытий наверху огонь вряд ли бы добрался. Среди простолюдинов, скорбно взирающих на останки храма, замечаю двух мужчин, не принадлежащих к низшему сословию. Один из них, благообразный, чернобородый, горбоносый и приземистый, в длинной зеленоватой тунике, напоминает борца, наделенного чересчур длинными и мускулистыми руками. У второго туника чуть выше колен, поверх наброшена хламида. Он высок и худосочен, на ногах сандалии, лодыжки препоясаны кожаными ремнями. Хоть и говорят, что с лица воду не пить, не думаю, что у жителей Эфеса этот человек вызывает симпатию: перекосивший лицо косой фиолетовый шрам на щеке, затекшее правое веко и рот в щелочку.

– Больше ста лет строили, Херсифрон () со своим сыном Метагеномом в гробах переворачиваются, – комментирует борец. *древнегреческий зодчий шестого века до нашей эры, родом из Кносса на Крите*

– Вместе с Пеонитом и Деметрием, они тоже руки к строительству приложили, – ворчливо уточняет костлявый собеседник. – Не говоря уже о Крезе, столько денег вбухал.

– Такую красоту, ироды, сгубили.

– Ты о чем? Говорят, Галлус Страт учудил. Его в нижнюю агору () уволокли, пританы () с ним разбираются. *рыночная площадь члены государственного совета*

– Ага, нашли на кого вину свалить. Этот убогий психопат только и может как в голом виде по улицам бегать. Хороша придумка, с дурака взятки гладки. Знаешь, сколько талантов драхмы, золота и серебра в подвале храма сберегалось? И я не знаю. Без смолы и ещё кой—чего тут явно не обошлось.

– Сдурел! – гневно шипит борец, испуганно оглядываясь по сторонам, и переходит на шепот. – А ну как донесут, горя не оберёмся.

– Да пусть клеветают, – отмахивается собеседник, однако на всякий случай осматривается и, заметив меня, мрачнеет. Наклонившись к уху товарища, шепчет:

– Вот увидишь, Страта казнят, а храм перестроят, хотя я бы оставил его в нынешнем запустении: пусть детки любят и черпают уроки.

Неспешно удаляюсь, радуясь, что вышел на верный след. Перемещаться в пространстве в пределах одного дня несложно, особенно когда известно имя персонажа, с которым хочу поговорить.

Галлус Страт валяется на полу в подвале, лишённом какого-либо убранства. Негостеприимное каменное узилище. Отсутствие света не мешает мне разглядеть страдальца. Выглядит скверно: лежит на боку, руки и ноги безжалостно переломаны, в некоторых местах из смуглой кожи выпирают острые кости. Удивляюсь, что узник все ещё в сознании.

Размышляю, каким образом нарушить его уединение, чтобы он окончательно не свихнулся. Честно говоря, я преуспел в перевоплощениях, если того требуют обстоятельства, могу заговорить и женским голосом, но представляться матерью мученика мне претит. С другой стороны, только она и может смягчить его предсмертные муки. Миллионы мужчин вспоминают своих матерей в минуты наивысшей опасности, что не требует пояснений: отрезанная после родов пуповина в духовном смысле не исчезает и навсегда связует младенца с женщиной, подарившей жизнь.

– Сынок, я с тобой.

Галлус рывком переворачивается на спину, не в силах оторвать отяжелевшую голову от каменного пола. После того, что с ним сотворили, ему надлежит скончаться, а он все ещё сопротивляется, будто хочет в живучести сравняться с богами.

– Мама?

Вытащив глаза, Галлус усиленно вглядывается в непроглядную тьму.

– Как ты сюда попала?

– Меня пропустили, чтобы с тобой повидалась.

Честно говоря, я сомневаюсь в милосердии тех, кто обрек его на гибель, но, с моей точки зрения, в такой ситуации лучше слегка приукрасить действительность.

– Мама, я умру?

Ох уж эти люди. Меня порой поражает их ничем не оправданный оптимизм. Твердо зная, что никому из смертных не удалось перехитрить Аида, поставившего у ворот в подземное царство неподкупного трехглавого Цербера, они живут так, будто ничем не уступают Зевсу.

– Ну что ты, сынок? Скоро тебя выпустят.

Мне бы возложить ему на лоб всепрощающую материнскую руку, но, увы, я физически лишен такой милосердной возможности. Пора расставаться. Геррус Страт помрет через несколько часов, не узнав, что приобретёт сомнительную всемирную славу.

Когда я рассказал об этом историческом казусе Переговорщику, тот злорадно расхохотался. По его мнению, человечество неустанно сочиняет мифы, в которые само же охотно верит.

Глава четвертая. Цезарь

Ни одна империя в мире не может похвастаться таким количеством императоров, как древнеримская. Их число переваливает за сотню. Однако следует помнить, что титул «император» в ту эпоху означал не должность, а высшее воинское звание – его присваивали военачальникам, одержавшим победу хотя бы в одном значимом для страны сражении. Воевали римляне охотно, в основном с целью расширить свои владения. Первым императором () в его нынешнем толковании считается Октавиан Август – приемный сын Юлия Цезаря. Древнеримский историк и писатель в книге «Жизнь двенадцати цезарей» хвалит Октавиана: несмотря на мятежи, заговоры и попытки переворотов, «никакому народу не объявлял войны без причин законных и важных. Никогда не начинал сражение или войну, если не был уверен, что при победе выиграет больше, чем потеряет при поражении. Тех, кто домогается малых выгод ценой больших опасностей, сравнивал с рыболовом, который удит рыбу на золотой крючок: оторвись крючок, – никакая добыча не возместит потери. Он так отстроил город, что по праву гордился тем, что принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным. Царства, которыми он овладел по праву войны, почти все вернул прежним их властителям или передал другим иноземцам. Диктаторскую власть народ предлагал ему неотступно, но он на коленях, спустив с плеч тогу, умолял его от этого избавиться. Имени „государь“ страшился как оскорбления и позора. Смерть ему выпала лёгкая, какой он всегда желал». *государем* **Гай Светоний**

Скончался Октавиан Август в окружении семьи, заранее составив завещание и указав в нём поименно наследников, и даже позаботился о погребении. Он до конца жизни помнил, чем закончил его приемный отец, то бишь Цезарь, и постарался избежать его ошибок и участи.

Я долго размышлял, стоит ли встречаться с такой противоречивой персоной, как Гай Юлий Цезарь. Он появился на свет спустя двести с гаком лет после смерти Александра Македонского и мечтал сравниться с ним в славе. Перейдя мелководную речку Рубикон, Цезарь якобы воскликнул: «Жребий брошен!». Эту фразу до сих пор так настойчиво вбивают в мозги обывателей, что она стала крылатым выражением. Никто через Рубикон ни вплавь, ни вброд не перебирался. Вот что пишет Гай Светоний: «Он настиг когорты у реки Рубикон, границы его провинции. Здесь он помедлил и, раздумывая, на какой шаг отваживается, сказал, обратившись к спутникам: „Ещё не поздно вернуться; но стоит перейти этот мостик, и все будет решать оружие“. Так перевел он войска; и затем, выведя на общую сходку бежавших к нему изгнанников-трибунов, он, разрывая одежду на груди, со слезами стал умолять солдат о верности».

Пытаясь разобраться в рейтингах древнеримских военачальников, задаюсь вопросом, не переоценили ли историки полководческие таланты Цезаря. Тот же Светоний, например, указывает, что «он не упускал ни одного случая для войны, даже несправедливой или опасной, и первым нападал как на союзные племена, так и на враждебные и дикие».

С другой стороны, Светоний на похвалы не скупится. «Во всей междоусобной войне он не понёс ни одного поражения. Терпеть неудачи случалось лишь его легатам. Сам же Цезарь неизменно сражался с замечательной удачей, не зная даже сомнительных успехов, за исключением двух лишь случаев. Оружием и конём он владел замечательно, выносливость его превосходила всякое вероятие. В походе он шел впереди войска, обычно пеший, иногда на коне, с непокрытой головой, несмотря ни на зной, ни на дождь. Самые длинные переходы он совершал с невероятной быстротой, налегке, в наемной повозке, делая по сотне миль в день, преодолевая реки вплавь или с помощью надутых мехов, так что часто опережал даже вестников о себе. Трудно сказать, осторожности или смелости было больше в его военных предприятиях. Он никогда не вел войска по дорогам, удобным для засады, не разведав предварительно местности. В сражения он вступал не только по расчету, но и по случаю, часто сразу после перехода,

иногда в самую жестокую непогоду, когда меньше всего этого от него ожидали. Только под конец жизни он стал осторожнее принимать бой: чем больше за ним побед, рассуждал он, тем меньше следует полагаться на случай, так как никакая победа не принесет ему столько, сколько может отнять одно поражение. Если же его войско начинало отступать, он часто один восстанавливал порядок: бросаясь навстречу бегущим, удерживал воинов поодиночке и, схватив их за горло, поворачивал лицом к неприятелю. А паника бывала такова, что однажды схваченный им знаменосец замахнулся на него острием значка, а другой знаменосец оставил древко у него в руке. Воинов он ценил не за нрав и не за род и богатство, а только за мужество; а в обращении с ними одинаково бывал и взыскателен и снисходителен. Проступки солдат он не всегда замечал и не всегда должным образом наказывал. Беглецов и бунтовщиков преследовал и карал жестоко, а на остальное смотрел сквозь пальцы. Мятежей в его войсках за десять лет галльских войн не случилось ни разу, в гражданской войне – лишь несколько раз; но солдаты тотчас возвращались к порядку, и не столько из-за отзывчивости полководца, сколько из уважения к нему: Цезарь никогда не уступал мятежникам, а всегда решительно шел против них. Вражды у него ни к кому не было настолько прочной, чтобы он от нее не отказался с радостью при первом удобном случае. Его умеренность и милосердие, как в ходе гражданской войны, так и после победы, были удивительны».

Плутарх также хвалит Цезаря, но с оговорками: «За те неполные десять лет, в течение которых он вел войну в Галлии, », **он взял штурмом более восьмисот городов, покорил триста народностей, сражался с тремя миллионами людей, из которых один миллион уничтожил во время битв и столько же захватил в плен**

«Спал он большей частью на повозке или на носилках, чтобы использовать для дела и часы отдыха. Днём объезжал города, караульные отряды и крепости, причем рядом с ним сидел раб, умевший записывать за ним, а позади один воин с мечом. Он передвигался с такой быстротой, что в первый раз проделал путь от Рима до Родана () за восемь дней. Верховая езда с детства была для него привычным делом. Он умел, отведя руки назад и сложив их за спиной, пустить коня во весь опор. А во время этого похода он упражнялся еще и в том, чтобы, сидя на коне, диктовать письма». *река в Швейцарии и Франции*

«Вторую войну он вел уже за галлов против германцев. Совершая налеты на укрепления вокруг холмов, где они разбили свой лагерь, он так раздражил германцев, что те в гневе вышли из лагеря и вступили в битву. Цезарь нанес им сокрушительное поражение и, обратив в бегство, гнал их до самого Рейна, на расстоянии в четыреста стадиев, покрыв всё это пространство трупами врагов и их оружием. ». **Число убитых, как сообщают, достигло восьмидесяти тысяч**

«Между тем бельги, наиболее могущественные из галлов, владевшие третьей частью всей Галлии, отделились от римлян и собрали многотысячное войско. Цезарь выступил против них со всей поспешностью и напал на врагов. Он опрокинул полчища врагов, оказавших лишь ничтожное сопротивление, . После этого все народы добровольно покорились вновь, но против нервиев, наиболее диких и воинственных из племен, населяющих страну бельгов (), Цезарь должен был выступить в поход. Римляне бились, можно сказать, свыше своих сил и, так как нервии не обратились в бегство, уничтожили их, несмотря на отчаянное сопротивление. ». **и учинил такую резню, что болота и глубокие реки, заваленные множеством трупов, стали легко проходимыми для римлян Из шестидесяти тысяч варваров осталось в живых только пятьсот человек, а из четырехсот их сенаторов – только трое группа племен, живших между Сеной, Рейном и Северным морем**

Переход через Рубикон оказался губительным для страны. Как пишет Плутарх, «затем была произведена перепись граждан. . Такой урон принесли гражданские войны, столь значительную часть народа они истребили – и это ещё не принимая в расчет бедствий, постигших остальную Италию и провинции». Это потери только среди граждан Рима, которыми,

как я ранее указывал, считались жители, имеющие право владеть землей, участвовать в выборах и в войнах. **Вместо трехсот двадцати тысяч человек, насчитывавшихся прежде, теперь было налицо всего сто пятьдесят тысяч**

После того, как Цезаря избрали в четвертый раз консулом, он «отправился с войсками в Испанию против сыновей Помпея (). Они, несмотря на молодость, собрали удивительно большую армию и выказали необходимую для полководцев отвагу. «Большое сражение произошло около города Мунды (). Цезарь, видя, что неприятель теснит его войско, закричал, пробегая сквозь ряды солдат, что если они уже ничего не стыдятся, то пусть возьмут и выдадут его мальчишкам. Осилить неприятелей Цезарю удалось лишь с большим трудом. ; у Цезаря же пала тысяча самых лучших солдат. Эта война была последней, которую вел Цезарь. Отпразднованный по случаю победы триумф, как ничто другое, огорчил римлян. Негоже было Цезарю справлять триумф над несчастьями отечества. Ведь Цезарь победил не чужеземных вождей и не варварских царей, но уничтожил детей и род человека, знаменитейшего среди римлян, но попавшего в несчастье». *Гней Помпей Магн, древнеримский полководец, консул Римской республики юг Испании, расположен в долине реки Мунда* **Противник потерял свыше тридцати тысяч человек**

Однако не только гибель лучших людей отечества опечалила римлян. Светоний пишет: «Цезарь принимал почести сверх всякой меры: бессменное консульство, пожизненную диктатуру, имя императора, прозвание отца отечества». Кроме того, «допустил в свою честь постановления, превосходящие человеческий предел: золотое кресло в сенате и суде, священную колесницу и носилки при цирковых процессиях, храмы, жертвенники, изваяния рядом с богами, название месяца по его имени; и все эти почести он получал и раздавал по собственному произволу». Цезарь «в свое третье и четвертое консульство был консулом лишь по имени, довольствуясь одновременно предложенной ему диктаторской властью; в замену себе каждый раз назначал двух консулов, но лишь на последние три месяца, так что в промежутке даже народные собрания не созывались, кроме как для выбора народных трибунов и эдилов: ибо и преторов он заменил префектами, которые вели городские дела в его отсутствие. Заведовать чеканкой монеты и государственными податями он поставил собственных рабов, а управление и начальство над оставленными в Александрии тремя легионами передал своему любимчику Руфину, сыну вольноотпущенника».

Далее Светоний рассказывает, что Цезаря смертельно возненавидели после того, как он, принимая сенаторов, явившихся к храму Венеры, не выказал им почтения – остался сидеть в кресле. «Безмерно оскорбив сенат своим открытым презрением», он совершил еще более дерзкий поступок. Человек из толпы «возложил на его статую лавровый венок, перевитый белой перевязью», как свидетельство царской власти, народные трибуны заточили наглеца в тюрьму, а Цезарь в ответ «лишил их должности». Как пишет Светоний, Юлий Цезарь «с этих пор уже не мог стряхнуть с себя позор стремления к царскому званию, – несмотря на то, что однажды ответил плебею, величавшему его царём: «Я Цезарь, а не царь!». В результате «народ не был рад положению в государстве: тайно и явно возмущаясь самовластием, он искал освобождений».

Светоний сам себе противоречит. Рассказывая, что Цезарь был неприхотлив в быту, упоминает, что тот «заложили и отстроили за большие деньги виллу близ озера Неми, но она ему не понравилась, и он разрушил её до основания, хотя был ещё беден и в долгах. В походах возил с собою штучные и мозаичные полы. В Британию вторгся будто бы в надежде найти там жемчуг. Резные камни, чеканные сосуды, статуи, картины древней работы всегда собирал с увлечением. В провинциях постоянно давал обеды на двух столах: за одним возлежали гости в воинских плащах или в греческом платье, за другим – гости в тогах вместе с самыми знатными из местных жителей». По словам Светония, Цезарь «бескорыстия не обнаружил ни на военных, ни на гражданских должностях. Проконсулом в Испании, по воспоминаниям некоторых совре-

менников, как нищий, выпрашивал у союзников деньги на уплату своих долгов, а у лузитанов () разорил, как на войне, несколько городов, хотя они соглашались на его требования и открывали перед ним ворота. В Галлии опустошал капища и храмы богов, полные приношений, и разорял города чаще ради добычи, чем в наказание. Оттого у него и оказалось столько золота, что он распродал его по Италии и провинциям на вес, по три тысячи сестерциев за фунт. В первое свое консульство он похитил из капитолийского храма три тысячи фунтов золота, положив вместо него столько же позолоченной меди. Он торговал союзами и царствами: с Птолемея получил около шести тысяч талантов за себя и за Помпея. А впоследствии лишь неприкрытые грабежи и святотатства позволили ему вынести издержки гражданских войн, триумфов и зрелищ». *провинция Римской Испании*

В те времена к сексуальным предпочтениям относились толерантно, но Цезарь удивлял даже привыкших ко всему римлян: «Красивых и ученых рабов покупал по таким неслыханным ценам, что сам чувствовал неловкость и запрещал записывать их в книги. Его единственным пятном было сожительство с Никомедом (), но это был позор тяжкий и несмыслаемый, навлекавший на него всеобщее поношение. Долабелла называет его „царёвой подстилкой“, а Курион – „злачным местом Никомеда“ и „вифинским блудилищем“. Когда однажды Цезарь говорил перед сенатом в защиту Нисы, дочери Никомеда, Цицерон его перебил: „Оставим это, прошу тебя: всем отлично известно, что дал тебе он и что дал ему ты!“». На любовные утехы он, по общему мнению, был падок и расточителен. Был любовником многих знатных женщин, среди его любовниц были и царицы. Но больше всех он любил Клеопатру: с нею и пировал не раз до рассвета, на ее корабле с богатыми покоями был готов проплыть через весь Египет до самой Эфиопии, если бы войско не отказалось за ним следовать. Народный трибун Гельвий Цинна многим признавался, что у него был написан и подготовлен законопроект, который Цезарь приказал провести в его отсутствие. По этому закону Цезарю позволялось брать жён сколько угодно и каких угодно, для рождения наследников. Наконец, чтобы не осталось сомнения в позорной славе его безнравственности и разврата, напомним, что Курион старший () в какой-то речи называл его мужем всех жён и женою всех мужей». *царь Вифании Гай Скрибоний Курион – римский политик и военачальник из плебейского рода Скрибониев Курионов, консул*

По моему мнению, сколько ни пытался Цезарь встать вровень с Александром Македонским, все его потуги оказались тщетными. Да и погиб он не в бою и не от болезни, а от рук собственных друзей-заговорщиков. Как пишет Светоний, «когда он увидел, что со всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы, накинул на голову тогу и левой рукой распустил ее складки ниже колен, чтобы пристойнее упасть укрытым до пят; и так был поражен двадцатью тремя ударами, только при первом испустив не крик даже, а стон. Хотя некоторые и передают, что бросившемуся на него Марку Бруту он сказал: „И ты, дитя моё!“». Из его убийц почти никто не прожил после этого больше трех лет, и никто не умер своей смертью. Все они погибли по-разному: кто в кораблекрушении, кто в битве. А некоторые поразили сами себя теми же кинжалами, которыми они убивали Цезаря».

В описании Плутарха сцена расправы выглядит несколько иначе. «Все заговорщики, готовые к убийству, с обнаженными мечами окружили Цезаря: куда бы он ни обращал взор, он, подобно дикому зверю, окруженному ловцами, встречал удары мечей, направленные ему в лицо и в глаза, так как было условлено, что все заговорщики примут участие в убийстве и как бы вкусят жертвенной крови. Поэтому и Брут нанес Цезарю удар в пах. Некоторые писатели рассказывают, что, отбиваясь от заговорщиков, Цезарь метался и кричал, но, увидев Брута с обнаженным мечом, накинул на голову тогу и подставил себя под удары. Либо сами убийцы оттолкнули тело Цезаря к цоколю, на котором стояла статуя Помпея, либо оно там оказалось случайно. Цоколь был сильно забрызган кровью. Можно было подумать, что сам Помпей явился для отмщенья своему противнику, распростертому у его ног, покрытому ранами

и еще содрогавшемся. Цезарь, как сообщают, получил двадцать три раны. Многие заговорщики переранили друг друга, направляя столько ударов в одно тело. Цезарь умер пятидесяти шести лет от роду, пережив Помпея не многим более чем на четыре года. Ему не пришлось воспользоваться могуществом и властью, к которым он стремился всю жизнь, и которых достиг с таким трудом».

Существуют и другие первоисточники. Например, древнеримский историк в книге «Римская история» так характеризует Цезаря: «Это был муж, выделявшийся среди граждан внешностью, наделенный неукротимой силой духа, неумеренный в щедротах, вознесшийся духом выше всего человеческого, естественного и вероятного, величием помыслов, стремительностью в военных действиях, выносливостью в опасностях уподоблявшийся Великому Александру, но рассудительному, а не гневному. Цезарь совершил в Галлии невероятные подвиги, которые едва ли можно описать во многих свитках. ». Прочитав эти неслыханные славословия, я потерял интерес к Патеркулу. **Веллей Патеркул Цезарем были перебиты более четырехсот тысяч врагов, и еще больше взято в плен**

Разумеется, я поинтересовался памятниками, установленными в честь Цезаря. В какой-то мере это свидетельство того, как его оценивают потомки. Мне кажется, что особой любви и почтения нынешние итальянцы к нему не испытывают. Единственный монумент, заслуживающий внимания, находится в курортном городке Римини на площади Тре Мартири. Именно здесь Цезарь якобы призывал своих легионеров двинуться на Рим и устроить гражданскую бойню. Усадить Цезаря на коня, как Александра Македонского, скульптор не удосужился. Бронзовая статуя лишена динамики. Позеленевший от скуки полководец стоит на неказистом постаменте из белого мрамора с полусогнутой левой рукой, будто манит к себе пугливых прохожих, а позади него красуется облупленная стена из красного кирпича.

Если вы заглянете в Музей древностей в Турине, обнаружите раскопанный в тысяча восемьсот двадцать пятом году в Тускуле мраморный бюст Цезаря, он считается наиболее достоверным его изображением к концу жизни. Полководец явно не красавец – расширенная по бокам и слегка сплюснутая сверху голова, лупоглазость, впалые щеки, излишне тонкие брови. В описании Светония погубитель римской демократии выглядит так: «Говорят, он был высокого роста, светлокотый, хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые. Здоровьем отличался превосходным: лишь под конец жизни на него стали нападать внезапные обмороки и ночные страхи, да два раза во время занятий у него были приступы падучей. За своим телом ухаживал слишком даже тщательно, и не только стриг и брил, но и выщипывал волосы, и этим его многие попрекали. Безобразившая его лысина была ему несносна, так как часто навлекала насмешки недоброжелателей. Поэтому он обычно зачесывал поредевшие волосы с темени на лоб; поэтому он с наибольшим удовольствием принял и воспользовался правом постоянно носить лавровый венок».

Отправляясь на необитаемый остров Фармакониси, который во времена древних римлян носил название Фармакуссы, я вовсе не рассчитывал увидеть Цезаря с лавровым венком на голове. Ему всего лишь двадцать два года,

пройдет двадцать лет, прежде чем он затеет Галльские войны, а пока что молодой амбициозный патриций только набирается политического опыта. Он женат на Корнелии, дочери консула Луция Цинны.

Остров известен тем, что Цезарь посетил его отнюдь не по своей воле.

В описании Плутарха этот эпизод выглядит так романтично, что хоть завтра снимай приключенческий блокбастер. «На обратном пути у острова Фармакуссы он был захвачен в плен пиратами, которые уже тогда имели большой флот и с помощью своих бесчисленных кораблей властвовали над морем. Когда пираты потребовали у него выкупа в двадцать талантов, Цезарь рассмеялся, заявив, что они не знают, кого захватили в плен, и сам предложил дать им пятьдесят талантов. Затем, разослав своих людей в различные города за деньгами, он остался

среди этих свирепых киликийцев с одним только другом и двумя слугами; несмотря на это, он вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели. Тридцать восемь дней пробыл он у пиратов, ведя себя так, как если бы они были его телохранителями, а не он их пленником, и без малейшего страха забавлялся и шутил с ними. Он писал поэмы и речи, декламировал их пиратам и тех, кто не выражал своего восхищения, называл в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая повесить их. Те охотно выслушивали эти вольные речи, видя в них проявление благодушия и шутливости. Однако, как только прибыли выкупные деньги из Милета и Цезарь, выплатив их, был освобожден, он тотчас снарядил корабли и вышел из милетской гавани против пиратов. Он застал их еще стоящими на якоре у острова и захватил в плен большую часть из них. Захваченные богатства он взял себе в качестве добычи, а людей заключил в тюрьму в Пергаме». Позднее приказал «их всех до единого распять, как он часто предсказывал им на острове, когда они считали его слова шуткой».

Мне вспоминаются сомалийские пираты двадцать первого века, большую часть из них составляли обычные рыбаки. Они взялись за преступный промысел по той причине, что умирали от голода: в их территориальных водах вылавливали рыбу все кому не лень. Их мнением никто не интересовался, и никого не беспокоило, что страшная жара испепеляет их урожаи. Захватывая суда совместно с экипажами, сомалийцы требовали выкупа и зачастую его получали.

Две тысячи лет назад пиратов занимало исключительно золото. Плутарх пишет: «Когда римляне в пору гражданских войн сражались у самых ворот Рима, море, оставленное без охраны, стало мало-помалу привлекать пиратов и поощряло их на дальнейшие предприятия, так что они не только принялись нападать на мореходов, но даже опустошали острова и прибрежные города. Уже многие люди, состоятельные, знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле. Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни. Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла. Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, — все это являлось позором для римского владычества. Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до четырехсот городов. Чаще всего пираты совершали злодеяния против римлян; высаживаясь на берег, они грабили на больших дорогах и разоряли имения вблизи от моря. Однажды они похитили и увезли с собой даже двух преторов, Секстилия и Беллина — в окаймлённых пурпуром тогах, со слугами и ликторами. Они захватили также дочь триумфатора Антония, когда она отправлялась в загородный дом; Антонию пришлось выкупить её за большую сумму денег. Когда какой-нибудь пленник кричал, что он римлянин, и называл своё имя, они, притворяясь испуганными и смущенными, хлопали себя по бедрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им, видя их униженные просьбы. Затем одни надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не ошибиться. Вдоволь поиздевавшись над ним и насладившись его муками, они, наконец, спускали среди моря сходни и приказывали высаживаться, желая счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его сталкивали за борт и топили».

Очистил море от пиратов Гней Помпей (), в плен было взято больше двадцати тысяч. «Казнить их всех он не решился; с другой стороны, считал неблагоразумным отпустить разбойников на свободу и позволить им рассеяться или вновь собраться в значительном числе, так как это большей частью были люди обнищавшие и вместе с тем закаленные войной. Помпей исходил из убеждения, что по природе своей человек никогда не был и не является диким, необузданным существом, но что он портится, предаваясь пороку вопреки своему естеству,

мирные обычаи и перемена образа жизни и местожительства облагораживают его. Даже лютые звери, когда с ними обращаются более мягко, утрачивают свою лютость и свирепость. Поэтому Помпей решил переселить этих людей в местность, находящуюся вдали от моря, дать им возможность испытать прелесть добродетельной жизни и приучить их жить в городах и обрабатывать землю. Часть пиратов по приказанию Помпея приняли маленькие и безлюдные города Киликии, население которых получило добавочный земельный надел и смешалось с новыми поселенцами». Остальных тоже пристроили и обеспечили стабильным заработком. *древнеримский государственный деятель и полководец, консул Римской республики*

Прошло более двух тысяч лет, но даже по меркам двадцать первого века это решение Помпея можно считать разумным и гуманным. А вот с сомалийскими пиратами, в отличие от римлян, разобрались в духе инквизиции: тюрьмы, международные военно-морские операции и физическое уничтожение.

Но я отвлекся. Стою на берегу моря, прибой лениво перебирает гальку, ворочает её, будто приценивается, какую и куда пристроить. На юге ночь обрушивается на сушу сразу после захода солнца, не оставляя сумеркам никаких шансов. Передо мною акулообразный огромный грот, в центре горит костер, на вертеле поджаривается туша какого-то животного. Вокруг огня два десятка человек, что-то оживленно обсуждают и хохочут.

Между мной и костром двое мужчин. Левый высок и худосочен, но жилист, правый – обилен в плечах и смахивает на гориллу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.